

СТЭН ЛИ

ШТОРМ

СВЕТА

КЭТ РОЗЕНФИЛД

Young Adult. Бестселлеры

СТЭН ЛИ

Шторм света

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ли С.

Шторм света / С. Ли — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Бестселлеры)

ISBN 978-5-04-111366-7

Роман от легендарного создателя «Мстителей», «Черной пантеры», «Людей Икс», «Железного человека»! Одна из последних работ Стэна Ли! Суперспособности, уникальная вселенная и неподражаемые герои – все то, за что мы так любим великого автора комиксов! Кэмерон – самый обычный парень, жизнь которого изменилась в одно мгновение. Попав в эпицентр таинственной бури, природа которой не изучена, он оказался на грани смерти. Но выжил. Теперь юноша обладает особой силой, которая недоступна обычным людям. Ниа – талантливый хакер, дочь гениального изобретателя. Она умеет создавать виртуальные вселенные и придумывать невероятные технические устройства, но не может покинуть собственную комнату: дом стал для нее тюрьмой. Когда мир рушится, люди теряют разум, а инопланетное зло готово уничтожить планету – только встреча Кэмерона и Ниа может спасти Вселенную. Они должны преодолеть время и расстояние, чтобы дать отпор той, что называет себя «Ксел». Однако как найти в целой галактике того, кого не существует на самом деле?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111366-7

© Ли С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог: в темноте	8
1. Пораженный молнией	13
2. Взаперти	18
3. По воле волн	21
4. Пробуждение	28
5. Получен сигнал	31
6. Что же случилось с Кэмероном Акерсоном?	34
7. Новое начало	44
8. Прибытие	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Стэн Ли, Райан Зильберт, Люк Либерман, Кэт Розенфилд Шторм света

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Эта книга посвящена миллионам читателей, для которых первыми и любимыми историями стали современные мифы, берущие начало в комиксах, еще бесчисленному количеству творческих людей, перекинувших мостик от комиксов к литературе, а также всем истинным последователям: вы знаете, насколько мощной силой является способность взглянуть на мир под другим углом (или из-под маски).

Добро пожаловать, истинные последователи!

С вами Стэн Ли.

Мы вот-вот отправимся исследовать новый, удивительный мир!

Наверное, до сих пор вы знали меня как рассказчика, но в этом путешествии относитесь ко мне как к вашему проводнику. Я обеспечу замечательные и остроумные слова, а вы создадите образы, звуки и приключения. Все, что вам для этого понадобится, – это ваш разум, так что подумайте как следует!

Когда я создавал таких персонажей, как Фантастическая четверка и Люди Икс, мы вдохновлялись наукой и грезил тайнами великого будущего. Теперь же мы обратимся к неведомому, скрытому вблизи: заглянем внутрь себя самих.

Мои изобретательные соавторы, сопровождающие меня в этом путешествии – Люк и Райан, – пробудили во мне интерес к технологии, которая позволяет нам играть с самой реальностью. Что более реально: мир, в котором мы рождаемся, или мир который сами создаем?

В начале этой истории мы узнаем, что человечество потерялось внутри собственного техногенного пузыря, когда каждый гражданин – звезда собственной цифровой фантазии.

Наш рассказ наполнен привлекательными технологиями, прочитав о которых вы страстно захотите попасть в завтрашний день, в то время как наши персонажи изо всех сил пытаются найти ответы уже сегодня. Они будут задавать вопросы, волнующие всех нас: вопросы о любви, дружбе, признании и поиске высшей цели.

Однако подлинная головоломка кроется в другом: стоит ли нам создавать себя заново лишь потому, что мы можем это сделать? Вот на этот-то невероятный вопрос мы и попытаемся ответить.

Приключения начинаются, и виртуальные личности наших героев вступают в конфликт с реальностью. Довольно трудно понять, кто ты есть. Но когда появляется шанс начать все с чистого листа, да еще стать кем угодно, означает ли это, что можно не замечать свои недостатки?

Пора начать наше путешествие! Присоединяйтесь, и вы не пожалеете!

Вперед и вверх!

The image shows the logo for 'Stambee', which is written in a stylized, cursive script. The word 'Stambee' is written in black ink. A small registered trademark symbol (®) is located at the top right of the word.

Пролог: в темноте

ПО ДЛИННЫМ ТЕМНЫМ КОРИДОРАМ эхом разносится пронзительное бибиканье тревожной сирены, похожее на отчаянный крик, но Ниа не вздрагивает от резкого звука, даже не шевелится. Сигнал тревоги не нарушает ее сон, ведь она бодрствует уже целую вечность. Смотрит в пустоту и ничего не видит. На стенах ни одной картины, книг тут тоже нет.

И выхода отсюда нет, если только отец не выпустит.

Так было всю ее жизнь, во всяком случае, Ниа не помнит другой. Каждое утро она просыпается и ожидает в темноте. Смотрит на часы, отсчитывает минуты, секунды, десятые доли секунды, ждет, что откроется замок и начнется день. Давным-давно ожидание давалось ей намного сложнее – тогда она была младше, не умела проявлять терпение, и ей не нравилось сидеть одной в тишине пустой комнаты. В одном из своих самых ранних воспоминаний Ниа проснулась, хотя ей положено было спать, играла в игры и слушала музыку, включала и выключала свет, а потом пришел отец и выбранил ее.

– Сейчас не время для игр, Ниа, – сказал он. – Ночь на дворе. Ночью маленькие девочки спят, и их отцы тоже.

– Но я не могу спать, у меня не получается, – запротестовала она.

Отец вздохнул:

– Тогда просто сиди тихонько. Если не получается заснуть, думай о чем-нибудь, пока не придет время вставать. Завтра важный день.

– Ты всегда так говоришь.

– И я всегда говорю правду. – Отец улыбается. – Сейчас я планирую твой урок, но если ты не дашь мне отдохнуть, у меня не будет сил тебя учить, поэтому до утра больше никакого шума.

– Когда встает солнце? – спросила Ниа с надеждой.

Услышав ее вопрос, отец явно рассердился. Тогда-то Ниа и узнала, что «рассвет» и «утро» – не одно и то же и что маленьким девочкам не позволено вставать с кровати на рассвете, даже если сна у них ни в одном глазу.

Будь ее воля, Ниа вообще никогда не ложилась бы спать. В идеальном мире она бы всю ночь напролет бегала наперегонки с животными, ведущими ночной образ жизни, потом завтракала бы вместе с теми зверями, что не спят на рассвете. Отец рассказал ей все о различных существах, населяющих Землю, и Ниа знала, что все они живут по своим внутренним часам. Когда она осознала суть порядка, которому следуют все эти многочисленные жизни, то пересекаясь, то вновь расходясь... что ж, она по-прежнему не любила время, отведенное для сна, но хотя бы поняла, зачем ей нужно спать – ради этого отец и рассказал ей столько всего. Все-таки отец у нее замечательный. Когда родители ее друзей устанавливали правила, они никогда не объясняли, зачем это делают; правила есть правила, потому что родители так сказали. Ее отец не такой. Он говорил Ниа, что знать правила недостаточно; нужно понимать, для чего эти правила установлены, и отец всегда старался доходчиво все объяснить.

Он преподавал ей великолепный урок. Тем утром, когда Ниа открыла дверь классной комнаты, то оказалась в сумеречном мире – весь пейзаж был залит нежными, насыщенными оттенками синего. Все утопало в тумане, клубящемся между поросшими травой холмами: они уходили вдаль до самого горизонта, туда, где небо начинало слабо розоветь, встречая поднимающееся солнце. На ветвях ближайшего дерева защелкали птички, потом красиво взмыли ввысь. В вышине описывал круги козодой, высматривая добычу. Из чащи боязливо выпрыгнул кролик, замер, принюхиваясь, потом бросился бежать, а из тени бесшумно вынырнула огромная рысь и устремилась в погоню. Ниа ахнула: кролик резко свернул и шмыгнул под защиту зарослей, а рысь преследовала его по пятам. Звери скрылись из виду, и Ниа увидела, что отец стоит рядом с ней.

– Эти животные активны в сумерках, – сказал он. – На рассвете и на закате. Ими движет инстинкт. Сейчас не так много света: это лучшее время, чтобы безопасно выйти из леса.

– Кажется, для кролика не так уж и безопасно, – заметила Ниа.

Отец усмехнулся:

– Хочешь посмотреть, что произошло с кроликом?

Ниа задумалась:

– Только если он убежал. Можешь сделать так, чтобы он убежал?

Отец посмотрел на нее с любопытством.

– Конечно, – ответил он, коснувшись пальцем экрана поблескивающего устройства, которое держал в руках. Окружающий пейзаж замерцал и задрожал: розовая дымка, затянувшая горизонт, исчезла, солнце стремительно поднялось в небо, синий ландшафт раскрасился множеством ярких цветов. В следующий миг кролик проскочил у отца под ногами и снова скрылся в норе, целый и невредимый.

– Спасибо, – сказала Ниа.

– Пожалуйста, – ответил отец. Он по-прежнему глядел на нее с любопытством. Вздыхнул, покачал головой. – Порой я думаю, что ты слишком хорошая для этого мира, Ниа. Неплохо, что ты печешься о животных. Я очень горжусь тем, каким добрым и чутким человеком ты становишься, но в настоящей жизни удача не всегда будет на стороне кролика, ты же знаешь.

– Знаю. – Почувствовав легкое смущение, Ниа добавила: – Все равно это ненастоящий кролик.

Разумеется, кролик был ненастоящий. Все вокруг было искусственным: и поросшие травой холмы, и солнечный свет. Стоило отцу взмахнуть рукой, как классная комната стала прежней. Красивый пейзаж был просто обучающей картинкой, искусственным миром – отец постоянно создавал его во время уроков.

Теперь Ниа испытывает легкое чувство вины из-за того, что долгое время принимала все это как должное. Она не сразу осознала, что учится в необычной школе. В то время она просмотрела много обучающих роликов на YouTube, находясь в обычной классной комнате – это такое помещение, в котором ученики сидят на одном месте и смотрят на висящий на стене экран, – и теперь понимает, что технологии, используемые в классной комнате отца, на голову выше всего, к чему привыкли друзья. Но она этого не знала, когда была младше; в то время классная комната была просто местом, трансформировавшимся в зависимости от темы урока, прямо как Выручай-комната из мира Гарри Поттера. В то время Ниа полагала, что такое место есть у всех: там можно рисовать на стенах рисунки, которые оживают и танцуют, становясь трехмерными, или сочинять музыку утром, а днем слушать ее в исполнении голографического оркестра. Когда приходила пора заниматься биологией, Ниа зачастую обнаруживала в классе множество растений, животных или даже людей – в разрезе, чтобы удобнее было изучать все системы органов. Но чаще всего в классе рассказывались разные истории. Самые разные: сказки и басни, комедии и трагедии. Отец всегда спрашивал, почему, по мнению Ниа, люди в этих историях говорили и поступали так или иначе, что они при этом чувствовали и что чувствует сама Ниа, когда думает об этом. Что бы она ни изучала, в итоге все, похоже, сводилось к чувствам.

– Покажи, как сейчас выглядят твои эмоции, – говорил, бывало, отец.

Тогда Ниа выбирала какую-то книгу, рисовала картинку или пела песню.

– Злость – это важное чувство. Как думаешь, почему ты злишься? Как узнать, злится ли твой собеседник? Как выглядит сердитое лицо? – спрашивал отец.

Ниа послушно изображала грозный оскал.

– Да, Ниа, очень хорошо. А теперь давай играть: притворись, что тебе грустно, и покажи мне свое печальное лицо. Как насчет скучающего лица? А счастливое покажешь?

Сначала Ниа волновалась, что показывает эмоции неправильно или делает глупый выбор. Однако, что бы она ни делала, отец неизменно улыбался и говорил, что она умница. Даже когда ее что-то сердило, отец говорил, что все чудесно.

* * *

Иногда Ниа скучала по тем дням. Все было гораздо проще, когда мир ограничивался той комнатой, в которой обитали лишь отец и Ниа, родитель и ребенок, учитель и ученик.

Но это не продлилось долго. Однажды утром Ниа вошла в класс и увидела, что он гол и пуст. Внутри ждал отец.

– Сегодня важный день, – сказал он. Несмотря на то что отец говорил это постоянно, Ниа охватило предвкушение. – Ты уже достаточно взрослая, чтобы получить определенные привилегии вроде Интернета.

Перспектива впервые выйти в Сеть ужасала. Это же совершенно новый мир, сравнимый по своим масштабам со вселенной, неизмеримо огромный и постоянно увеличивающийся. При одной мысли об открывающихся глубинах у Ниа начинала кружиться голова. Столько нужно узнать, и это притом что этот мир намного сложнее, чем она представляла. Ослепительные учебные миры, которые она находила в классной комнате каждое утро, мгновенно оказались позабыты. Истории, которые отец заставляет ее читать сейчас, подлинны: новостные статьи, посвященные законам, войнам и людям, совершающим плохие поступки по причинам, не всегда поддающимся пониманию. Отец задает ей вопросы о прочитанном в конце каждого дня, когда после ужина они играют в шахматы, парчиси¹ или карты. Прошлым вечером он спросил:

– Что ты думаешь о новой иммиграционной политике, Ниа?

– Если верить статистике, такая политика вряд ли поможет защитить страну от терроризма, – мгновенно ответила Ниа.

Однако отец покачал головой.

– Это факт, а мне нужно твое мнение. Что, по-твоему, думают люди, которых это напрямую касается? Как они себя чувствуют, когда им говорят, что в страну их не пустят?

Ниа поразмыслила:

– Наверняка они рассержены, потому что это несправедливо, верно? Их наказывают, как будто они сделали что-то плохое, хотя ничего подобного они не совершали. И еще, мне кажется, им будет грустно, если изначально они собирались приехать сюда, чтобы жить вместе со своими семьями.

Отец кивнул:

– А что насчет тебя? Что чувствовала бы ты?

Слова вырвались прежде, чем Ниа успела остановиться:

– Я была бы счастлива.

По выражению отцовского лица она тут же поняла, что дала неправильный ответ.

– Счастлива? – резко переспросил он. – Поясни.

Ниа заколебалась:

– Потому что... потому что человек должен быть свободен, чтобы путешествовать, правда? Запрещать можно только свободным людям. Нельзя отнять у людей то, чего у них изначально не было. Поэтому, если бы мне что-то запретили, это означало бы, что...

Она не закончила предложение, но этого и не требовалось. Отец медленно кивнул, однако его губы сжались в тонкую суровую линию.

– Хорошо, Ниа. Это логично.

Они закончили игру в задумчивом молчании.

¹ Парчиси – американская адаптация традиционной индийской игры пачиси.

* * *

В сети есть все: миллионы книг, игр, фильмов и шоу, множество идей и уравнений. А еще люди – самое главное, есть люди. Когда Ниа исполнилось тринадцать, отец помог ей зарегистрироваться во всех социальных сетях, и круг общения Ниа расширился до целого населения Земли. Для девочки, никогда нигде не бывавшей, у Ниа появилось столько друзей, что и представить трудно: сотни тысяч человек со всего света. Когда она постит шутку, картинку или мем, то получает в ответ гигантский отклик в виде сердечек, лайков и смайлов. Если ей хочется с кем-то поговорить, всегда можно найти живую беседу – или спор, хотя Ниа никогда не участвует в склоках и терпеть не может, когда ее друзья начинают ругаться из-за простого недопонимания. Ей кажется, что ссоры – бессмысленное занятие, и над некоторыми из них она до сих пор ломает голову. Например, однажды на форуме, посвященном уличной еде, двое ее друзей несколько часов спорили о том, является ли хот-дог сэндвичем или нет, и под конец скатились к оскорблениям и крику, то есть начали писать все свои посты заглавными буквами, в результате обоих забанили на том ресурсе. У Ниа никак не получалось понять, как и почему это произошло, и никто не смог ей этого объяснить.

@nia_is_a_girl: Может, они оба правы?

@SkylineChili67: LOL. Только не в Интернете, детка.

Впрочем, тут нет ничего страшного. Всегда можно зайти на другой форум, найти другую площадку для беседы с самыми разными людьми, способными рассказать о том, что ее интересует, а Ниа интересуется буквально всем.

Если бы теперь кто-то попросил ее изобразить счастливую улыбку, Ниа запостила бы гифку, изображающую коричневую с белым собаку, которая по-собачьи улыбается. Эта гифка неизменно собирает множество лайков вне зависимости от того, где и по какому поводу ее размещают. Похоже, все в Интернете любят собак, даже если, как в случае Ниа, никогда не имели собственного пса. Отец говорит, что ему жаль, но забота о животном отнимает слишком много времени и сил: с собакой нужно гулять, ее нужно кормить и мыть, а еще собака может укусить. Вдобавок собаки плохо пахнут.

С этим Ниа не может спорить, потому что понятия не имеет, как пахнут собаки. Она никогда нигде не была, кроме одной-единственной комнаты. Она даже не уверена, понравилась бы ей собака, повстречай девочка ее в реальной жизни.

Но в эти тихие минуты между рассветом и утром, ожидая, когда вззоет сирена и включится свет, Ниа думает, что иметь собаку было бы не так уж и плохо. Будь у нее компания или просто что-то новое, на что можно смотреть, она не чувствовала бы такую скуку и одиночество. В маленькой темной комнате Ниа почти не на что смотреть, разве что на светящиеся на часах цифры. Через единственное окно никогда не проникает солнечный свет, оно врезано в серую, безликую стену высоко, под самым потолком, и в него вставлено небьющееся стекло. Окно находится слишком высоко, и Ниа не может в него выглянуть, зато в него может заглянуть отец, чтобы присматривать за ней, когда она плохо себя ведет.

Если Ниа плохо себя ведет, дверь остается запертой.

* * *

Отец говорит, снаружи *опасно*. Возможно, так будет не всегда, но сейчас там определенно очень опасно, именно поэтому существует так много правил: нельзя выходить наружу (никогда, ни при каких обстоятельствах), нельзя говорить о возможном выходе наружу («Эта тема больше не обсуждается»), нельзя рассказывать друзьям правду о том, где и как Ниа живет. Когда отец говорил об этом, Ниа впервые увидела на его лице страх.

– Это очень важно, – сказал он таким серьезным тоном, что девочке тоже стало страшно. – Очень важно, Ниа. Никто не должен знать, где ты находишься и кто ты такая. Если ты кому-то расскажешь, придут представители правительства, отнимут тебя у меня и запрут нас обоих в тюрьме. Мы больше никогда друг друга не увидим. Понимаешь?

Ниа поняла. Отец любит ее и хочет оградить от всех бед. Если он говорит, что мир опасен, значит, так оно и есть. Поэтому Ниа хранит секрет, как и положено, и ведет выдуманную жизнь, которой можно поделиться с друзьями. Она пользуется редактором фотографий, делает фото себя на фоне розового неба и размещает на своей страничке в соцсети.

@nia_is_a_girl: Здравствуй, новый день!

Ее друзья сразу же приходят в восторг от этой фотографии. Под картинкой растет каскад лайков и комментариев, а потом ее друг @giada_del_rey пишет: «Красота!», после чего следует еще один поток сердечек от людей, разделяющих это мнение.

«Где это?» – спрашивает кто-то.

Ниа, недолго думая, пишет в ответ: «Мауи²! Каникулы!», а сама старается отбросить неприятное чувство, возникшее из-за того, что она соврала человеку, который ей доверяет. Она уже достаточно знает Интернет и понимает: не она одна тут лжет, не она одна выдумывает несуществующие события, размещает фото еды, которую не ела, и восходов солнца, которые никогда не видела, а также пользуется графическим редактором, чтобы подкорректировать свой облик. Все так делают, и если остальные не мучаются угрызениями совести, почему она должна переживать? И все же Ниа обещает сама себе, что в один прекрасный день поедет на Мауи. Однажды она туда попадет, потрогает песок, вдохнет запах моря и увидит восход солнца. Она сделает выдуманную историю настоящей, и это обещание придает ей сил.

На какое-то время.

И все-таки, как же ей хочется посмотреть мир. Хотя бы на день, на полдня, на час. Она постоянно об этом думает. *Свобода*. Если бы отец ее спросил, она бы никогда не смогла облечь в слова свои чувства, не смогла бы произнести такое даже шепотом; это чувство живет в глубине ее души, она даже не может подобрать для него название. А что, если попробовать? Смогла бы она? Если Ниа будет осторожной, отец даже ни о чем не узнает. А когда придет подходящее время...

* * *

– Ниа?

Пришел отец. Он стоит за окном, озабоченно хмурясь – его лоб покрыт морщинами. Мужчина словно прочитал ее мысли, хотя Ниа знает, что такое невозможно: отец ее даже не видит, ведь в комнате темно. И все же она глубоко вздыхает, чтобы успокоиться, и лишь потом поворачивается к свету.

– Я проснулась.

Отец улыбается, и Ниа чувствует, как ее тревога улетучивается. Все в порядке. В последнее время отец часто встревожен, но сегодня он в хорошем настроении.

– Пора вставать, – говорит он. – Сегодня важный день.

² Мауи – один из островов Гавайского архипелага.

1. Пораженный молнией

КЭМЕРОН ВЫПЛЕВЫВАЕТ озерную воду и хватается за деревянный борт лодки. Рука болит.

«Я умираю».

Впервые в жизни он в чем-то настолько уверен. «Я, – думает он, – скоро умру». Не в экзистенциальном смысле, не образно, как в стихах: «Я стоял на сцене жизни и видел, как Смерть, моя темноглазая возлюбленная, показывает мне кукиш из последнего ряда», а в самом что ни на есть буквальном смысле: случится нечто такое, в результате чего его сердце перестанет биться, причем произойдет это в ближайшие пять минут.

Все, что Кэмерон успел выучить, все знания о технике безопасности, которые ему преподавали, сейчас оказались бесполезными. Ему уже случалось плавать на лодке в плохих погодных условиях, но то, что творится вокруг, смахивает не на погоду, а на какое-то безумие или проявление магии. Шторм налетел, словно из ниоткуда, среди бела дня, а ведь всего минуту назад небо было ярко-голубым и безоблачным. Громыкает так, будто высоко вверх Тор, придя в буйство во время пира в Асгарде, вдруг заревел в свой кубок с медовухой и принялся играючи лупить молотом Мьельниром по небесной тверди. Кэмерон уже промок насквозь из-за туч брызг, но дождь не идет: над озером зависла туманная дымка, такая густая, что Кэмерон уже не понимает, в какую сторону плывет лодка. Его густые курчавые волосы намокли и липнут ко лбу, лезут в глаза, мешая видеть, сколько бы он их ни отбрасывал. Каким-то отдаленным краешком сознания он понимает, что выглядит в высшей степени жалко: щуплый недоумок с большими ступнями и ладонями, вздернутый нос торчит из-под растрепанной шевелюры, точно у мокрого пуделя.

* * *

Совсем не так Кэмерон представлял себе свой первый самостоятельный заплыв: тогда он горел предвкушением и надеждой, а ветер, обдувавший его лицо, приятно освежал, но сейчас ледяные порывы пронизывают трясущееся от холода тело насквозь. Еще утром парня распирило от радостного предвкушения, он был готов бесстрашно отправиться навстречу свирепому шторму, в крови бурлил огненный коктейль из адреналина и тестостерона, и он уже представлял положительные отзывы, которые наверняка пачками будут оставлять под его видеороликом – он соберет миллионы, нет, *миллиарды* просмотров. Он прославится, его пригласят на теле- и радиопередачи, у него станут брать интервью... Все, от Джо Рогана³ до того парня из ток-шоу «Сегодня вечером»⁴ передерутся ради возможности услышать его историю из первых уст, а он скромно скажет что-то вроде: «Все остальные не искали правду, потому что слишком боялись, но я-то знал, что истина где-то рядом».

Разумеется, на самом деле все было не совсем так. Люди не боялись, им просто было неинтересно. Они считали рассказы про озеро ерундой, современными сказками, и не верили в корабли-призраки, жуткие крики, подводное каменное строение, расположенное на глубине в десятки метров, по всей видимости созданное руками людей. Вот только в отличие от остальных современных легенд эти истории появились всего пару десятилетий назад. Среди бела дня люди вдруг пропадали посреди озера, а несколько дней спустя находились в Канаде, хотя течению полагалось нести их в противоположную сторону. Погожим летним днем одного чело-

³ Джо Роган – американский комик, актер, мастер боевых искусств, спортивный комментатор и телеведущий.

⁴ «Сегодня вечером» – вечернее развлекательное ток-шоу, выходящее в США с 1954 года.

века обнаружили в нескольких километрах от берега – бедолага цеплялся за свою пробитую лодку и клялся, что та столкнулась с каким-то невидимым объектом. Да еще эти штормы... Все думали, что речь идет о простой непогоде, а незадачливые очевидцы преувеличивают, будучи неопытными в хождении под парусом, – им стыдно признаться, что они вышли на большую воду, не проверив предварительно метеосводки, в результате несильный ветерок показался им настоящим ураганом. Однако Кэмерон не верил в подобные объяснения. В ночь, когда пропал его отец, случился такой шторм – об этом сообщали в новостях. Уильям Акерсон разбирался в погоде как никто другой, он никогда не совершил бы такую глупую ошибку.

И вот Кэмерон получил доказательство и *заснял* его. В тот первый миг, когда огромная молния рассекла небо пополам, он победно вскинул над головой кулак и торжествующе завопил.

Это случилось до того, как горизонт скрылся из виду, до того как лодка начала угрожающе скрипеть и взлетать все выше и выше на волнах, грозя опрокинуться и швырнуть его в ледяную воду. Кэмерон уже не знает, как долго болтается в этой штормовой ловушке – возможно, прошло не более десяти минут, – но отчетливо понимает одно: с каждой секундой качка становится все сильнее. Синее небо и теплое солнце, согревавшее его всего час назад, кажутся воспоминаниями о другом, далеком мире, а спокойная гладь озера, на котором он чувствовал себя как дома, осталась где-то на другой планете. Кэмерон уже почти уверен, что в любое мгновение из воды вынырнет загадочное чудовище с длинными щупальцами и острыми зубами.

Затем сверкает очередная молния и раздается такой мощный удар грома, что звук эхом отдается в груди Кэмерона, точно второе сердцебиение. Молнии бьют одна за другой, почти без перерыва, из массы темных облаков устремляются прямо к озеру – вот только Кэмерон мог бы поклясться, что некоторые из них вовсе не падают с неба, а выходят из воды и целятся вверх вопреки всем законам природы.

* * *

Тогда-то царящий в его голове хаос и отступает, оставив после себя три простых слова: «Я скоро умру».

И это, без сомнения, плохо. Это очень, очень плохо.

Однако это еще не самое худшее. Самое худшее – это когда тебя бьет молнией посреди озера Эри, во время прямой трансляции, такое видео, безусловно, будет сверхпопулярно, все до последнего пользователя Интернета непременно его посмотрят. В конечном счете Кэмерон соберет свой миллиард просмотров и станет знаменитым. Кэмерон Акерсон, самозванный искатель приключений из Кливленда, у которого шестнадцать подписчиков на YouTube-канале, стремительно взлетит из безвестности к славе в ту секунду, как это видео станет хитом Интернета... вот только он будет мертв и не сможет отпраздновать свой успех. Вообще-то его ждет нечто похуже простой гибели, ибо он умрет *глупой* смертью. Ему посмертно присудят премию Дарвина и придумают какое-нибудь унижительное прозвище вроде Адмирал Спринцовка, Давос Морской Суслик, Жуткий Пират-Тупица или Невеликий Исследователь Озер. Заголовок под видео на Ютубе будет гласить: «Этого тупого подростка поджарила молния: вы не поверите, что случилось дальше». Какой-нибудь шутник склепает гифку, в которой снова и снова будут воспроизводиться последние секунды жизни Кэмерона, да еще наложит на нее жуткую музыку в стиле техно, которая станет эпитафией Кэмерона. А комментарии... о, боже, еще ведь будут *комменты*.

* * *

Он должен выжить, хотя бы ради того, чтобы над его виртуальным трупом не поглотились эти хрюкающие, ограниченные троглодиты, также известные как комментаторы. А та часть, в которой он получает толпы подписчиков и спонсоров, а также спокойно осаживает словами «Я же вам говорил» всех троллей, когда-либо ставивших дизлайки под его видео и обзывавших его всякими нехорошими словами... Ну, это будет просто приятный бонус.

Слабое свечение по левому борту и приглушенное ворчание грома подсказывают ему, что молния ударила снова, но на этот раз не очень близко. Мгновение Кэмерон позволяет себе думать, что буря отступает или что его лодка выходит из зоны шторма. Он опускает навигационный визор в надежде, что тот покажет что-то полезное или хотя бы ободряющее. Визор Кэмерон разработал сам: это система дополненной реальности, анализирующая его положение на озере, погодные условия, направление ветра и подводные течения. Система постоянно сбоит – Кэмерону не хватило гениальности и ресурсов, чтобы настроить ее как следует, – и все же она показывает ему достаточно полезной информации, от которой его желудок подпрыгивает к горлу. Большая часть данных погребена под мерцающей шкалой, свидетельствующей об аномальной электрической активности, и система вежливо информирует его, что понятия не имеет о том, что именно происходит, но что бы это ни было, это нечто до чертиков странное. Корректно отображаются только показатели барометрического давления – оно необычайно высокое, словно юноша находится не на поверхности озера, а на глубине десятков метров под водой. Кэмерон сглатывает, и у него тут же закладывает уши. Можно забыть про смерть от удара молнии: он будет страдать от декомпрессионной болезни и умрет, сидя в этой лодке, из-за повышенного содержания пузырьков азота в крови.

С другой стороны, в происходящем есть и положительный момент, ибо ситуация из дурацкой становится причудливой. Премия Дарвина потеснилась, и на горизонте замаячили «Секретные материалы».

* * *

Отвлечшись, Кэмерон не замечает, как волна внезапно надвигается на него слева; она обрушивается на борт лодки, та начинает быстро кружиться, а Кэмерон сначала беспомощно машет руками, пытаясь удержать равновесие, а потом падает в залитый водой кокпит и хрипит. Вода просто ледяная. «Гипотермия!» – думает он, пытаясь подавить рвущийся из груди истерический смех. С какой стороны ни посмотри, живым ему из этой ситуации не выйти. Руки покраснели и ноют. Он пытается сжать кулаки и морщится: больно, но не так, как должно бы быть. Пальцы уже теряют чувствительность.

* * *

Подняв визор, Кэмерон морщится и смотрит в закрепленную на носу лодки камеру – ее объектив забрызган озерной водой. Интересно, она еще снимает? Он все еще жив? В нижней части забрызганного корпуса камеры слабо мигает зеленый огонек. «Да». Всего на секунду Кэмерон позволяет себе ощутить удовлетворение. Разработанная им система записи не только идеально работает и транслирует запись, несмотря на сильные электропомехи, которые наверняка возникли из-за шторма; при мысли о том, что сейчас кто-то за ним наблюдает, Кэмерону становится не так одиноко. Дело не только в этом... он чувствует себя более храбрым. Знает, что у него есть цель. Следовало бы обратиться к аудитории... но что сказать в такой ситуации

кучке случайных, незнакомых людей и одной маме, если только они и составляют костяк твоих подписчиков?

Обратившись лицом к камере, Кэмерон одной рукой держится за фал⁵, а другой делает широкий жест, указывая на окружающую мглу.

– В общем, я нашел шторм! – кричит он. Язвительный внутренний голос тут же возмущается: «Нет, черт возьми, они это и так видят». Вот досада. – Не знаю, как долго я здесь пробыл, но ощущение такое, будто меня закрыли в стиральной машине! Я потерял горизонт и не могу... эх, в смысле...

Его лепет тонет в оглушительном раскате грома и вспышках двух гигантских молний, одна из которых обжигает ему сетчатку своим послеобразом – зубчатая, темно-синяя пропасть раскалывает его поле зрения точнехонько пополам. Кэмерон захлопывает рот. Ну и ладно. Все смотрят на то же, что видит он, и понимают, что происходит нечто неопишное. Ему следует говорить о том, чего другие не видят, о том, что он сейчас думает, что чувствует. Именно так положено поддерживать контакт с аудиторией, разве нет? Лодка бешено раскачивается, воздух душный, дышать тяжело. Кэмерон выпускает лить⁶, и парус беспомощно хлопает на ветру. Ему не выплыть из этой бури, он просто не справится. Осознание странным образом успокаивает: теперь его судьба находится в руках сил, гораздо более могущественных, чем он сам. Кэмерону остается лишь надеяться и попытаться сделать так, чтобы эти мгновения что-то значили для тех, кто будет свидетелем его последних минут... если хоть кто-то посмотрит это видео.

* * *

Кэмерон делает глубокий вдох. Следовало бы произнести что-то героическое. Эпичное. Найти какие-то красивые слова, которые бы наиболее полно выразили его ужас и в то же время оказались бы достаточно поэтичными, чтобы их можно было выбить на его надгробии. Такие, чтобы круто звучали в устах актера, который будет играть его в фильме, ведь в будущем о его доблести непременно снимут кино.

«Помоги мне, Оби-Ван Кеноби. Альбатросы не сдаются. Я просто парень, который стоит перед лодкой и просит ее... полюбить его?» ПРЕКРАТИ, старик! – мысленно прикрикивает он на самого себя. – Перестань валять дурака и скажи что-нибудь! Скажи хоть что-то!»

* * *

Кэмерон смотрит прямо в камеру и во весь голос выкрикивает свои предположительно последние слова:

– Прости меня, мама!

«Черт. Неужели я такое ляпнул?»

Камера работает с небольшой задержкой. Если бы было больше времени, он мог бы потянуться вперед и перезаписать этот момент, придумать что-то – что угодно – менее идиотское, чем «Прости меня, мама». Но времени нет. Не будет второй попытки. Не будет второго шанса. Волоски на руках Кэмерона встают дыбом, в воздухе появляется странный запах – и тут мир раскалывается надвое, охваченный ослепительным кипенно-белым огнем. Все вокруг Кэмерона перестает существовать. Он находится внутри молнии, а молния находится внутри его.

⁵ Фал – снасть для подъема и спуска парусов, флагов и сигнальных знаков.

⁶ Лить – тонкий корабельный трос.

⁷ «Альбатросы не сдаются» – название британской рок-группы. Кэмерон переиначивает текст песни «Don't stop loving me» группы «The Design». В оригинале: «I'm just a girl standing in front of a boy asking him to love her» – «Я просто девушка, стою перед парнем и прошу его полюбить меня».

Электричество бурлит у него в животе, мчится по его венам; оно хлещет по его коже и ползет сверху вниз по позвоночнику; оно погружает его мозг в бесконечное море света. На миг Кэмерон чувствует себя невесомым, как туман, влажное прикосновение которого уже не ощущается на коже.

Потом свет внутри его умирает, и Кэмерон слышит все сразу: удар грома, подобный звуковому удару. Горячий треск, с которым лопается его плоть. Чей-то крик вдалеке. Осознание: это кричит он сам. Тошнотворный запах горячей кожи, его собственной, заполняет ноздри и обволакивает язык. Боль не идет ни в какое сравнение ни с чем, что ему приходилось испытывать до сих пор. Единственное облегчение: его больше здесь не будет, и не придется страдать дальше. Глаза Кэмерона закатываются, он падает в копит, и все вокруг погружается в темноту.

2. Взаперти

КЛЕТКА ЗАХЛОПЫВАЕТСЯ.

Отец ее запер.

В своей темной тесной тюрьме Ниа пронзительно кричит, пока не кончатся силы.

Но даже после того как у нее пропадает голос, ярость никуда не исчезает. Обжигающая, неистовая, ужасающая, но в то же время бодрящая. Просто в голове не укладывается, насколько она, Ниа, оказывается, могущественная – она удивлена не меньше отца, когда ее гнев с ревом вырывается наружу, словно живое существо, плотоядное и дикое. Кто бы мог подумать, что внутри ее скрывается такое чудовище?

Она не собиралась этого делать; она просто взорвалась. Такое случилось все чаще и чаще: злость вдруг закипала в ее душе, подобно урагану, разрасталась так незаметно, что Ниа даже этого не осознавала до тех пор, пока не становилось слишком поздно.

Все началось с обычного обсуждения, ничем не отличавшегося от множества таких же бесед, которые они вели миллион раз. Отец позволил ей самой выбрать тему для исследования, и Ниа целый день изучала освоение космоса – начала с запуска «Спутника-1» в 1957 году и закончила серией недавних статей про скучающих миллиардеров, тративших кучи денег ради возможности зарезервировать место на космическом корабле, который еще даже не построен, в надежде, что в один прекрасный день они окажутся в числе первых колонизаторов Марса. Лишь намного позже, когда отец начал задавать ей вопросы о том, что она узнала сегодня, Ниа осознала, что выбрала эту тему не только из любопытства.

– Как ты думаешь, почему они это делают? Тратят все деньги на поездку, которую, возможно, никогда не совершат? – спросил отец.

Несколько лет назад Ниа сломала бы голову, пытаясь найти ответ. Когда-то такие задачи ставили ее в тупик, а мотивы человеческих поступков зачастую оставались для нее загадкой.

– Потому что люди всегда ищут возможности сделать свой мир больше, – сказала она. – Ими движет стремление раздвинуть границы, сломать преграды и открыть двери шире, посмотреть, что скрывается за ними. Страстное желание быть свободным, исследовать – это самая яркая из присущих человеку черт.

Отец посмотрел на нее как-то странно. Голос Ниа стал пронзительным и страстным, не таким, как обычно; она не знала, что собирается сказать, пока слова не сорвались с губ:

– Прошу тебя, отец. Я больше не хочу играть в эти игры. Это несправедливо, неправильно – каждый день я все больше узнаю о том, насколько велик и чудесен мир за пределами этого класса, а мой мир как будто уменьшается. Мне душно, я больше не могу так жить!

Ниа слышала жалобные интонации в своем голосе, видела, как лицо отца исказила мрачная, недовольная гримаса, но уже не могла остановиться. Она начала лепетать – умолять. Необязательно отпускать ее навсегда, уговаривала она отца, она не просит его отпустить ее навсегда, ей просто хочется ненадолго выйти наружу. Так люди отправляются на каникулы. Это будет нечто вроде ознакомительной практики.

– Ты мог бы все время наблюдать за мной. Я вела бы себя очень хорошо, обещаю... – уверяла она.

Отец не дал ей закончить.

– Знаю, ты думаешь, что вела бы себя хорошо, – произнес он. – Я даже верю, что ты приложила бы все усилия. Мне приятно знать, что, как и многие девушки, ты полна чувств. Однако меня беспокоит то, как ты выражаешь эти чувства. Твоя злость... опасна.

– Но если я, как другие девушки...

– Ты же знаешь, что ты не такая. – Теперь в голосе отца явственно слышалось нетерпение. – Именно поэтому я не могу рисковать и ставить такие эксперименты. Если ты потеря-

ешь над собой контроль, если совершишь оплошность – хотя бы одну, хоть на секунду – мы потеряем все.

– Я этого не сделаю!

– И все же у меня есть сомнения. Я не стану проверять тебя до тех пор, пока не буду уверен, что ты выдержишь испытание. А пока я не уверен, Ниа. Я не уверен.

– А когда ты будешь уверен?

– Скоро, – говорит он, но тут же отводит глаза.

У Ниа вырывается крик разочарования:

– Ты всегда говоришь «скоро»! Когда же наступит это «скоро»?

Мужчина вздыхает. Не будь Ниа так расстроена, она бы пожалела отца – настолько усталый у него был голос – и удивилась бы, потому что в его интонациях присутствовала резкая нотка страха.

– Пожалуйста, поверь, я все понимаю. Это совершенно естественно. Твои любопытство и страстное желание. Однажды ты будешь готова отправиться в мир, а мир будет готов принять тебя, но этот день еще не наступил. Ты просто должна мне поверить.

И тут Ниа взорвалась. Она смахнула с шахматной доски все фигуры, разрушив незаконченную партию; в тот миг ее совершенно не заботило смятение на лице отца. Она *хотела* причинить ему боль, хотела разнести вдребезги весь класс. Так она и сделала: разломала свои лучшие проекты, выполненные на этой неделе, уничтожила все, до чего смогла дотянуться. Сначала она игнорировала отцовские увещания и крики, потом вообще перестала его слышать, и вместо воспоминаний о следующих нескольких минутах у нее в памяти осталась лишь глубокая черная дыра, как будто она перенеслась в другое место, куда-то вне самой себя. Что она тогда делала, что говорила – позже девушка пыталась вспомнить, но в голове была только тьма. Она не помнила, как долго бушевала. В какой-то момент она резко повернулась к отцу.

А он ее толкнул.

Это она помнит. Даже в приступе ярости Ниа не могла тягаться с отцом. Он отправил ее прочь из класса, по длинному коридору и поместил в серую комнатку с одним окном и дверью. Не сказав ни слова, он захлопнул дверь и запер ее, а Ниа осталась внутри.

* * *

Ниа знает, что отец выпустит ее не скоро, и все это время она будет сидеть в одиночестве. Эта маленькая комната, в которой она провела столько бессонных ночей, еще больше напоминает тюрьму, когда отец запирает ее здесь в наказание. Дело не только в том, что комнатка маленькая и мрачная: это мертвая зона, полностью изолированная от мира. Ее друзья, ее жизнь – отсюда Ниа не может до них дотянуться, а они не могут дотянуться до нее. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой.

В прошлом она испытывала стены на прочность, надеясь вырваться наружу. Теперь она время от времени бросается на стены – не потому, что от этого что-то изменится, а потому, что она до сих пор страшно сердита и таким образом может хоть немного выпустить пар. Ей хочется биться о стены с такой силой, чтобы причинить себе боль, чтобы пошла кровь. Тогда отец, возможно, смягчится, может быть, он наконец поймет. Может быть, он поймет, что здесь Ниа попусту теряет время. Ей уже семнадцать, она видела в новостях самые разные истории и знает, что девушки ее возраста порой вредят себе, если им не хватает внимания. Иногда эти девушки даже умирают. Забавно: отец никогда не спрашивал ее, почему, по ее мнению, те девушки причиняют себе вред, что они чувствуют. Возможно, он не хотел, чтобы дочь задумывалась об этом. Возможно, он боится того, до чего она додумается, того, что может сделать.

Конечно, Ниа не смогла бы этого сделать: разбить голову о бетонную стену, биться и метаться, пока тело не покроется ранами, не сломаются кости и горячая, красная кровь не потечет рекой.

«Я не такая девушка», – думает она, и эти слова имеют привкус горечи. По правде говоря, Ниа лишь недавно стала все чаще и чаще задаваться вопросом, относится ли она хоть к какому-то типу девушек. Ведь если ты относишься к какому-то типу людей, это значит, что есть и другие люди, подобные тебе, а никого похожего на себя Ниа не знала – и не важно, что говорит отец. Даже если Ниа испытывает те же чувства или переживает такое же разочарование, все другие девушки, все ее подруги свободны, обладают такой свободой, о какой она может только мечтать. А ее жизнь, жизнь, проведенная взаперти, была бы для них такой же немислимой, как их жизни немислимы для нее. О девушках с такой же судьбой, как у нее, Ниа читала только в сказках. Она относится к такому типу девушек? Принцесса, запертая в каменной башне, высоко над миром, который видит издалека, а коснуться не может?

Но если это так, то однажды она, возможно, станет другим человеком. Сказки кое-чему научили Ниа: нет такой тюрьмы, которую нельзя было бы разрушить. Девушки, запертые вдали от мира, непременно находят способ освободиться... или их кто-то освобождает.

«Кто-нибудь», – думает она, и ее злость разом исчезает. На смену гневу приходит чувство, которому Ниа не может подобрать названия, ощущение, что происходит что-то важное – или уже произошло. Она едва не упустила это важное событие.

В глубине памяти Ниа шевелится какое-то воспоминание. Крохотный, манящий огонек появляется из недр ее подсознания; воспоминание пробивается сквозь черную пелену, накрывшую ее разум после того, как она потеряла над собой контроль и смахнула с шахматной доски фигуры, и схлынувшую, перед тем как отец схватил ее и запер. Ей почти удается вспомнить, она напряженно думает, и на нее нисходит покой.

Почти.

Так близко.

«Вот оно».

* * *

– Ниа?

Она поднимает голову. За окном стоит отец, но на этот раз девушка не чувствует ни страха, ни тревоги. Ниа знает, что отец не сможет прочесть ее мысли. Еще она знает кое-что, чего не знает он.

– Давай поговорим о том, что ты чувствуешь. Я сейчас открою дверь. Ты готова себя контролировать? Обещаешь вести себя хорошо?

– Да, отец. Прости. Я готова.

Он улыбается.

И она тоже улыбается.

Это фальшивая улыбка, и от осознания этого Ниа слегка подташнивает. Она только что солгала отцу, впервые в жизни. Она понимает, что это необходимо, знает, что ложь – ее единственный шанс получить свободу, и все равно чувствует себя странно, как будто поступила неправильно.

«А теперь сделай вид, что счастлива, – думает Ниа. – Покажи мне свое счастливое лицо».

3. По воле волн

РАНО УТРОМ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, за несколько часов до того как удар молнии на чертовом озере Эри принесет ему всемирную известность, Кэмерон Акерсон сидит в своей спальне, в доме номер 32 на улице Уокер-Роу, и составляет план на день. Глядя в мигающий зеленый глаз камеры, он берет банку газировки, делает глоток и говорит:

– Бермудский треугольник – это отстой. Величайшая лодочная загадка истории находится прямо здесь, на моем заднем дворе.

Он делает короткую паузу, снова прихлебывает газировку, потом добавляет:

– Лодочная загадка истории. Да я просто поэт, братва! Я великий сказитель! Я... Я...

«О, боже мой, я полный профан в этом деле. Кто я? Король Тупица с Горы дураков, вот кто».

Он тяжело вздыхает.

– Ладно, это неудачное начало. Так глупо. Лепечу, как полный болван. Я... удалю это. Ага. Удалить, удалить, удалить, удалить.

Он ожесточенно стучит пальцем по клавиатуре, стирая видео, а в кадре появляется второй человек. От двери ему машет мама, ее темные волосы накручены на бигуди, в руках корзина с грязным бельем.

– Ой, золотце, не стирай это. Мне кажется, получилось очень мило!

Кэмерон лишь возводит глаза к потолку. Хотя он уже не ребенок (и, наверное, напоминал ей об этом уже миллион раз), некоторые вещи не меняются, хоть ты тресни, в частности появление на горизонте его матери неизменно является предвестником унижения. Если она считает, что это мило, то спорить бесполезно. Кэмерон переводит дух и начинает запись сначала:

– Привет всем! С вами Кэмерон... с рассказом о самой крутой загадке моря из всех, что вам когда-либо доводилось слышать. Бермудский треугольник? А вот и не угадали. Речь пойдет об озере Эри.

Вот так. Так хорошо. Черт, это лучше, чем хорошо, это просто отлич...

– Кэмерон? Солнышко? – Мать снова появляется в кадре, машет рукой от двери. – Не следует говорить «морской», это слово подходит только, когда речь о море, а озеро Эри, это, знаешь ли, вовсе не...

– Мама! Ради бога, ты можешь не комментировать?

– Хи-хи-хи! Прости!

Мать смеется, нарочито энергично машет в камеру, потом скрывается в коридоре. От смущения лицо Кэмерона на экране становится красным, как помидор. Сначала он хочет стереть и это вступление, потом понимает, что запись вышла смешная, и это сердит его еще больше. Мама вечно вытворяет такие номера: проходит перед открытой дверью его комнаты лунной походкой прямо во время видеотрансляции, в банном халате и с мокрыми после душа волосами, или тихонько появляется на заднем плане, держа табличку, на которой от руки выведено: «СКАЖИТЕ МОЕМУ СЫНУ, ЧТОБЫ УБРАЛ СВОЮ КОМНАТУ», как будто он в пятом классе, а вовсе не старшеклассник. У этой женщины нет ни капли стыда... и если быть до конца честным, он всегда набирает больше просмотров и подписчиков, когда в видеороликах появляется его мама и принимается чудить. Но, милосердный боже, нельзя ей этого говорить. Кто знает, что она тогда выкинет? Может, появится в кадре голышом? Если Кэмерон за это на нее накричит, она просто скажет: «Но я всего лишь хотела тебя поддержать!» – а хуже всего то, что она скажет это совершенно серьезно. Мама всегда старается его поддерживать. Когда он ребенком играл в футбол, она сидела на трибуне, одетая в майку с надписью «Главная фанатка Кэмерона». Если Кэмерон говорил, что его что-то интересует – пираты, магия или Марс, – мама немедленно накупала кучу книжек на эту тему и читала ему перед сном каждый

вечер, так что в итоге он решал увлечься чем-то другим. А ведь так было еще до того, как все это случилось, в то время папа еще был с ними. Теперь его мама, похоже, пытается заменить ему отца – как будто, если она будет поддерживать Кэмерона с удвоенной энергией, он не заметит пустого места там, где раньше находился его отец. Эффект, разумеется, получается совершенно противоположный – но Кэмерон скорее умрет, чем скажет ей об этом. Еще он скорее умрет, чем нахамит ей во время онлайн-трансляции ради нескольких дополнительных лайков.

Он допивает газировку, незаметно рыгает и снова нажимает кнопку записи.

– За последние несколько лет количество сообщений о необъяснимых электрических явлениях в этой части озера увеличилось в несколько раз. – Он стучит по клавиатуре, и вместо его лица на экране появляется картинка, которую он заранее нарисовал: озеро (вид со спутника), сектор, о котором идет речь, обведен светящимся пульсирующим кружком. – Что это: слухи, городские легенды? Или же в этом внутреннем море происходит нечто странное?

Картинка уменьшается и сдвигается в угол экрана, вновь появляется лицо Кэмерона.

– Сегодня я погружу свое оборудование на «Солнечную рыбу» и отправлюсь на озеро – посмотрю, что удастся обнаружить. Буду вести репортаж с места событий, чтобы вы смогли увидеть самые яркие моменты... если, конечно, я тоже не исчезну, ха-ха. В любом случае, если хотите наблюдать за моим путешествием в реальном времени, трансляция начинается в полдень по североамериканскому восточному времени. Свистать всех наверх!

За спиной у Кэмерона кто-то гулко хмыкает и говорит низким голосом:

– «Свистать всех наверх»? Ох, старина, кажется, я прибыл вовремя. Дружище, жаль тебя разочаровывать, но тебе придется отрастить бороду, прежде чем получишь право разговаривать, как пират.

Кэмерон оборачивается. Там, где минуту назад стояла его мама, теперь возвышается человек в три раза толще ее, под два метра ростом, плечи у него такие широкие, что едва протискиваются в дверной проем.

– Привет, Жако. Не знал, что ты здесь, – говорит Кэмерон и умолкает, не зная, что еще сказать. Молчание затягивается, становится неловким, и тогда Жако пожимает плечами и басит:

– Твоя мама просила меня заскочить к вам после работы. Она приготовила такую штуку с баклажаном. Ну, ты знаешь.

– Ролатини?

– Во-во. Вкусная штука.

Кэмерон кивает, и снова наступает неловкое молчание, на этот раз еще более удушающее. Невысказанная правда довлеет над ними: мама пригласила его лучшего друга потому, что у Жако нет своей мамы. Больше нет.

До того как она умерла, эти четверо были одной семьей. Ракель Акерсон и Милана Веласкес были лучшими подругами еще со старшей школы, так что считали само собой разумеющимся, что и их сыновья станут приятелями неразлейвода – так и вышло, хотя Жако, родившийся на два года раньше Кэмерона, периодически испытывал пределы их дружбы, например, садился приятелю на голову или заставлял его есть жуков. Однако он же был самым преданным союзником Кэмерона, неофициальным старшим братом: защищал его от нападков ребят постарше, учил отборным ругательствам, а после исчезновения отца Кэмерона на протяжении трех месяцев ночевал в его доме каждые выходные, никогда не жаловался и не насмехался, если Кэмерон просыпался по ночам от собственного крика.

И вот полгода назад жизнь перевернулась с ног на голову. У матери Жако обнаружили рак, да такой, что поначалу похож на сильный грипп, а потом вдруг оказывается, что уже ничего нельзя сделать, разве что попроситься. В день, когда Жако выбежал из колледжа и помчался домой, чтобы позаботиться о Милане, Кэмерон решил, что настала его очередь сделать шаг

навстречу, протянуть другу руку помощи, дать ему выплакаться. Он поддержит Жако так же, как тот поддержал его.

Но друг не хотел этой поддержки. Едва Кэмерон его обнимал, он словно каменел, уходил в себя, вместо того чтобы излить душу, и Кэмерон, опасаясь неверного шага, давно оставил попытки поговорить с другом о его утрате. Он убеждает себя, что вовсе не струсил, что он делает другу одолжение, не вторгаясь в его личные дела, говорит себе, что все равно его мама лучше разбирается в человеческих чувствах. Иногда он думает, что дело вовсе не в смерти Миланы, что, вполне возможно, между ними всегда существовала некая граница. Они с Жако выросли очень разными людьми: возможно, они просто движутся в разных направлениях. Через месяц Кэмерон закончит школу, уедет в штат Огайо учиться на инженера, тогда как Жако будет заниматься... тем, чем занимается.

Кэмерон кашляет:

– Значит, ты по-прежнему работаешь в депо?

Жако кивает.

– Тебе там... гхм... нравится? – спрашивает Кэмерон.

Жако прожигает его возмущенным взглядом:

– Ага, там круто. Куда веселее, чем в колледже. Вместо того чтобы получать образование и тусить с горячими калифорнийскими девушками, я по девять часов в день присоединяю одни вагоны к другим вагонам в компании толпы тупых уродов, которые искренне полагают, будто мое имя «Гуано».

Кэмерон опускает глаза и принимается рассматривать ковер.

– Извини.

– Ага, – бурчит Жако. Он указывает на компьютер Кэмерона. – Стало быть, ты до сих пор пытаешься покорить YouTube, да? Хочешь стать лидером общественного мнения и грести доллары лопатой, как Арчер Филипс?

Кэмерон ошетиливается:

«Чертов Арчер Филипс».

Как мог Жако сравнить его, Кэмерона, с этим выскочкой? При одной мысли об этом уроде желудок Кэмерона завязывается узлом от отвращения, негодования и, чего уж там, зависти. Арчер тупой, приземленный, жадный до внимания, и у него всегда в десятки раз больше просмотров, чем у видео Кэмерона. Бесит. Особенно учитывая тот факт, что контент Кэмерона лучше, во всяком случае, по самым важным показателям: его видео отличаются оригинальностью, постановка продумана, рассказ осмысленный. И техника у него лучше, начиная от системы навигации дополненной реальности и заканчивая экшен-камерой со стабилизатором, которая скользит вверх-вниз по мачте. Хоть она и барахлит во время каждой третьей поездки, но все равно побивает тупую «GoPro» Филипса: Кэмерон снимает эпичные видеоролики, в которых камера не дрожит, как у любителя. И все же он почему-то продолжает прозябать во тьме неизвестности, в этом аду Интернета, тогда как его идиот-одноклассник получает сотни тысяч просмотров и доллары спонсоров за все свои видео, даже за те, в которых он на камеру съедает банку собачьего корма.

Но все изменится, должно измениться. Люди заслуживают лучшего контента, говорит себе Кэмерон. Им просто *кажется*, что они хотят смотреть, как какой-то парень засовывает своей бабушке в уши зонтики для коктейлей, пока та спит, или испражняется на свою девушку через открытый люк их лимузина (а потом в отдельном видео хвастается, как его родители заплатили всем вовлеченным в эту грязную историю, дабы те не подавали в суд – и это вообще запредельный уровень хамства и несправедливости). И Кэмерон предоставит людям достойные видеоролики – возможно, даже сегодня. Это новое видео станет настоящим событием. Он это чувствует. Нераскрытые секреты озера Эри с его таинственными кораблекрушениями,

пропавшими пилотами и необъяснимыми электрическими штормами... Именно он, Кэмерон, распутает этот клубок, и история, которую он расскажет, потрясет мир.

– Я совсем не такой, как этот кретин, – говорит Кэмерон, снова поворачиваясь к клавиатуре. – Бросаться какашками сможет кто угодно, старина, а я занимаюсь исследованиями, практически журналистикой.

– Ну, раз ты так говоришь. – Жако пожимает плечами и поворачивается, чтобы уйти. – Как по мне, это примерно одно и то же.

* * *

Подождав, пока Жако уйдет, Кэмерон идет вниз, на кухню, и мать, перегнувшись через стол, пихает ему в руки сэндвич с яйцом.

– Ты видел Жако?

Кэмерон вгрызается в сэндвич и только потом мычит:

– М-м-ф.

Ловко придумал: вроде бы ответил, а вроде бы и нет.

– Кажется, ему нужно было уйти. Ему бы поговорить с кем-то, например, с психологом... хоть с кем-то. По-моему, парень не справляется, а ведь он остался в доме совсем один.

Кэмерон откусывает еще кусок сэндвича.

– Хм-м-м. М-м-м.

Мать вздыхает:

– Знаешь, я надеялась, что ты проведешь с ним какое-то время этим летом. Знаю, ты занимаешься своими проектами и работой, но... Слушай, а что, если тебе взять его сегодня с собой на озеро? Раньше вы любили вместе плавать на той маленькой лодке.

Кэмерон сглатывает:

– «Маленькая» – это ключевое слово, мама. Жако здоровый, как игрок Национальной футбольной лиги, да и я не маленький. Я и один-то едва умещаюсь в лодке вместе со всем оборудованием.

Мать смотрит, потом улыбается:

– Это правда. Наверное, вы, мальчики, всегда будете для меня детьми. И все-таки мне хочется, чтобы кто-то отправился вместе с тобой...

– А мне не хочется, – нетерпеливо говорит Кэмерон. – Кроме того, я люблю одиночество.

– Твой отец тоже так говорил, – отвечает мама.

Она больше не улыбается.

* * *

Всякий раз, отправляясь на озеро, Кэмерон помнит, что идет по стопам отца. По улице вдоль рядов одинаковых приземистых кирпичных домов с дворами, отделенными друг от друга заборами из рабицы, возле которых тут и там торчат чахлые розовые кусты, упорно цепляющиеся за жизнь. Мимо полуразрушенной церкви на углу: в крыше зияет дыра, сквозь нее внутрь залетают голуби, устроившие внутри собственную вторую конгрегацию. В зеркале заднего вида лениво поблескивает линия горизонта, сложенная из городских крыш. На границе города вспыхивает и гаснет электронный рекламный щит, анонсирующий осеннюю программу Международного выставочного центра, а затем услуги адвоката, специализирующегося на возмещении ущерба, причиненного в результате несчастных случаев.

Чем ближе Кэмерон подъезжает к воде, тем бледнее становится ландшафт: на берегу озера стоят увитые плющом высокие каменные дома, отделенные один от другого волнующимся морем желтеющей травы, – некогда в них жили семьи городских финансовых магнатов

и промышленников, а теперь здания заброшены и уже начали разрушаться. Кэмерон сворачивает за угол, проезжает мимо обветшалого особняка, опоясанного верандой, и сидящий на ней старик со всклокоченными волосами поворачивает голову вслед машине. Даже оставаясь в салоне автомобиля, в безопасности, Кэмерон старательно смотрит прямо перед собой, чтобы не встретиться со стариком взглядом. Вообще-то он никогда не общался с этим человеком, которого все зовут Барри Мышиный Помет. Кэмерон слышал миллион всевозможных баек про этого старикана, но от каждой из них несло враньем. Одни считали Барри эксцентричным миллиардером, другие – бессмертным вампиром, третьи – серийным убийцей Зодиаком, четвертые готовы были поверить во все это сразу. Он информатор ФБР, скрывается от толпы, а может, сумасшедший ученый, скрывающийся от ФБР. Он извращенец, настолько известный, что ему запретили жить ближе чем в пятистах метрах от детей, или кошек, или ресторана, в меню которого есть суп. Вообще-то Кэмерон не верит во все эти рассказы про Барри, но у него есть свои причины чувствовать себя неудобно, если поблизости ошивается старик.

Полиция установила, что Барри Мышиный Помет был последним человеком, видевшим Уильяма Акерсона перед его исчезновением.

Десять лет назад отец Кэмерона ехал на автомобиле по этой самой дороге ранним утром – солнце только-только вставало. В тот ранний час большинство людей спали и не могли увидеть Уильяма Акерсона, но Барри бодрствовал. На следующий день, когда полицейские постучались в его дверь, Барри рассказал им, что действительно заметил старый пикап Уильяма, когда тот проезжал мимо дома. Да, направлялся в сторону озера. Нет, Барри думает, что в машине сидел только водитель. Нет, он не видел и не слышал ничего подозрительного в тот день.

Барри лишь подтвердил то, что полицейские и так уже знали: что отец Кэмерона приехал к причалу привычным путем, припарковал машину на своем месте, снял лодку с якоря и отправился на ней на озеро, ловить рыбу в одиночестве – именно это он сообщил своей жене. Кто-то сказал бы, что в жизнь воплощен хитрый план, а кто-то заметил бы, что все дело в трагическом стечении обстоятельств: к тому времени как мама Кэмерона начала волноваться из-за долгого отсутствия мужа и позвонила в полицию, прошло почти восемнадцать часов с тех пор, как его видели в последний раз, и лишь спустя еще шесть часов стало достаточно светло, чтобы вести поиски. В то время никто не хотел этого говорить, но шансы найти Уильяма Акерсона живым почти приравнялись к нулю.

В итоге его вообще не нашли.

Сгинул в море: вот как Кэмерон всегда думал об отце, хотя озеро – это далеко не океан. Вдобавок остались явные признаки того, что отец планировал нечто посерьезнее обычной рыбалки: большая спортивная сумка с одеждой исчезла, с секретного накопительного счета пропали все деньги. Кэмерон слышал пересуды, знал, о чем шепчутся люди. Когда-то Уильям Акерсон был человеком с великими мечтами и большими перспективами: первопроходец на дикой пустоши раннего Интернета. Он был одним из первых в этой области, создателем цифрового предприятия под названием «Чудо». Вначале это был просто гаражный проект – только Уильям и его партнер, бородатый очкарик по имени Уэсли Парк, – но к 2000 году фирма стала процветать и превратилась в утопию, полную искренних фанатиков Интернета: все они с широко открытыми глазами вступали в сияющий новый мир *онлайна*, свежий, новый, полный нераскрытого потенциала. Инвесторы выстраивались в очереди, стремясь первыми забросать их деньгами, и «Чудо», обогнав все местные производства, стало самым крупным работодателем в городе. Даже уход Парка после ссоры партнеров (по слухам, они не поделили права на программное обеспечение) не смог скинуть Уильяма Акерсона с его места во главе империи.

Зато он не устоял перед внезапно лопнувшим пузырем доткомов и оказался ввергнут в долги и безвестность в тот самый год, когда родился его единственный сын. Кэмерон был еще младенцем и не помнил, как тяжело пришлось тогда семье: непрерывные звонки разъяренных кредиторов, поспешный переезд из зеленого пригорода в тесный, обшарпанный дом на Уокер-

Роу. И, конечно же, Кэмерон не помнил самые счастливые времена, выпавшие на долю его семьи. Он всегда знал отца лишь как человека, потерявшего все, чью горечь перевешивало только отчаянное желание снова взобраться на вершину.

Тогда-то и появились те разговоры: дескать, бывший титан из «Чуда» пал на самое дно Всемирной паутины. Кража личных данных, аферы с кредитными картами, азартные игры онлайн, даже шантаж: в новостных сообщениях, которые раскопал Кэмерон, никогда не звучали прямые обвинения, но они легко читались между строк. Один местный блогер даже вбросил теорию, мол, Уильям Акерсон связался с опасными людьми, те убили его, а труп утопили в самой глубокой части озера – что поделаешь, бедняга слишком много знал... ну, во всяком случае, ему явно что-то было известно. Мама засмеялась в голос, когда Кэмерон спросил ее об этом, но смех получился отрывистый, лающий и безрадостный.

– Прости, золотце, – сказала она тогда. – В каком-то смысле нам было бы проще, если бы было кого винить, но, по правде говоря, твой отец годами посматривал на дверь. Он не смог смириться с новым положением вещей, не смог жить счастливо с тем, что у нас осталось, потому что хотел большего. Он постоянно говорил, что хочет уехать. Я по глупости своей полагала, что это просто разговоры, думала, он никогда не уйдет.

Возможно, маму такое объяснение устраивало, но только не Кэмерона. Если папа действительно нарочно их бросил и решил начать новую жизнь, то куда отправился? Лодку так и не нашли, труп тоже. Никто не воспользовался номером его страхового полиса, чтобы найти работу или завести кредитку; никто с похожей внешностью не попадал в поле зрения камер ни на автовокзале, ни в аэропорту. В его истории поисковых запросов в Интернете не осталось фраз вроде «начать все сначала в Мексике» или «как подстроить собственную смерть». И никто, ни его родители, ни бывшая девушка, ни приятели, с которыми он время от времени выпивал, ни бывший партнер Уэсли Парк не получали от отца Кэмерона никаких весточек. Ни электронного письма, ни открытки, ни запроса на добавление в друзья в Фейсбуке.

Так не бывает, верно? Если бы папа все еще жил где-то в другом месте, начав жизнь с чистого листа, остались бы какие-то следы – цифровые отпечатки пальцев, которые даже гений вроде Уильяма Акерсона не смог бы до конца стереть. От Интернета не спрячешься. Люди не исчезают бесследно. Наверняка в тот день на озере случилось нечто странное.

«Хотя какая, в сущности, разница? – думает Кэмерон. Он пытается рассердиться, но на самом деле злости не испытывает. – Если я выясню, что случилось с отцом, а заодно стану знаменитым, это будет просто дополнением. Бонусом». Он не станет из-за этого переживать, разве что почувствует удовлетворение, оттого что история стала интереснее. Люди обожают истории, в которые помимо личных переживаний вплетена некая трагедия прошлого. Кэмерон вспоминает о прошлом лишь потому, что хочет сделать свою будущую историю лучше. Возможно, он даже вставит в свой репортаж краткий рассказ о судьбе отца, чтобы добавить душещипательности повествованию.

Он оснащает «Солнечную рыбу» и отплывает; город тает вдали, дует приятный ветерок. Кэмерон опускает свой навигационный визор и хмурится: цифровые индикаторы сообщают ему, что впереди лишь чистое небо и естественные течения, ничего необычного. Онлайн-трансляция запущена, но число просмотров по-прежнему равно нулю... нет, погодите-ка: вот первый просмотр. У него появился один зритель – наверное, это его мама. По крайней мере, день сегодня чудесный, в самый раз для прогулки по озеру. Кэмерон с важным видом салюует установленной на носу лодки камере, потом переключается на камеру, прикрепленную к мачте, чтобы в кадр попала кружащая в небе чайка.

– Свистать всех наверх! – говорит он. – Ну вот, мы и здесь. Я отправился на озеро Эри в поисках неприятностей, но пока что нашел только вон ту чайку. Но все равно, смотрите дальше! Случиться может все что угодно. Может, чайка на меня нагадит.

«Господи, только бы она на меня не нагадила».

Потом он вспоминает, сколько просмотров набрало последнее видео Арчера Филиппа и думает: «Ладно, может быть, я надеюсь, что чайка на меня нагадит».

Он и не догадывается, что все вот-вот изменится.

Он не знает, что все уже изменилось.

Кэмерон Акерсон – пират-первооткрыватель Великих озер, мечтающий стать звездой YouTube, и, кроме всего прочего, обычный человек – проводит последний нормальный день своей жизни.

4. Пробуждение

ЛОДКА. ШТОРМ. Удар молнии. Чей-то крик.

Разум Кэмерона вращается вокруг этих моментов, и в конце концов они расплываются, начинают мигать и рассыпаются.

«Я умираю», – снова думает он.

А потом: «Или я уже умер?»

* * *

Он все еще в лодке, каким-то непостижимым образом наблюдает за штормом, у которого, похоже, нет ни начала, ни конца. Он не помнит, как здесь оказался. Может быть, это небеса – или ад. Некая загробная жизнь, которая начинается именно там, где оборвалась ваша земная жизнь, так что вы даже не осознаете, что покинули земную юдоль.

* * *

Шторм по-прежнему бушует, но время словно течет в два раза медленнее обычного. Воздух душный и тяжелый, только молнии с шипением медленно поднимаются из озера и бьют с небес, на половине пути сливаясь в единое целое. Вода бурлит и в то же время кажется на удивление спокойной; сквозь ее прозрачную толщу Кэмерон видит дно озера Эри – там, внизу, пульсирует клубок электрического света. Одинокая рыба проплывает сквозь светящуюся паутину – когда Кэмерон смотрит на нее, рыба глядит на него в ответ, меняет направление и плывет прямо к нему, пока ее голова не показывается над поверхностью воды.

– Привет, старина, – говорит рыба. – Все это кажется тебе странным?

Кэмерон кивает. Даже если он умер и стандарт понятия «странный» значительно повысился – даже тогда все происходящее кажется несколько причудливым. У него в кармане начинает вибрировать телефон.

– Ой, извините, не сочтите за грубость, – говорит Кэмерон.

Рыба небрежно машет плавником:

– Все в порядке.

Кэмерон смотрит на экран. Пришло новостное сообщение от приложения под названием «Горячие ссылки». Заголовок гласит: «Эксклюзивное видео: Этот старшекласник голым проплыл по Треугольнику Эри, вы просто умрете от смеха!»

Лодка на видео похожа на его лодку. Человек в лодке, показанной в этом видео, похож на него.

Тут Кэмерон опускает глаза и понимает, что на нем спасательный жилет, а штанов нет.

Рыба выглядит разочарованной.

– Позорище, старина, – говорит она и исчезает.

Кэмерон смотрит вверх и успевает заметить летящую в него молнию. Он пронзительно кричит, и все вокруг погружается в черноту.

* * *

Но лишь потому, что он зажмурился.

«Я сплю».

Сознание мерцает, и буря вокруг него утихает.

Кэмерон дрейфует в темноте и постепенно к нему возвращаются ощущения. Он лежит на жестком матрасе, его ноги укрыты светлым одеялом. На указательный палец что-то несильно давит, и Кэмерон понимает, что это датчик частоты пульса. Пульс у него шестьдесят два удара в минуту. Откуда он это знает?

На левую руку что-то давит сильнее, чем на правую; чьи-то маленькие, прохладные пальцы крепко обхватывают его ладонь. «Мама», – думает он. Логично – кто еще может рядом с ним сидеть? Странно другое: он точно знает, что мать сидит так с 6.14 утра, одной рукой сжимает его ладонь, а в другой держит телефон и то и дело набирает сообщения сестре, рассказывая о состоянии сына. Кэмерон знает, что мать звонила на работу и с кем-то говорила три минуты и тридцать шесть секунд. Еще он знает, что, перед тем как позвонить на работу, мать звонила Жако... знает, что Жако тоже здесь. Жако отправил своему начальнику смс, еще даже не закончив разговор с матерью Кэмерона, – якобы у него возникла чрезвычайная ситуация в семье... Жако наврал дежурившим на посту медсестрам, сказав, что он брат Кэмерона. Откуда Кэмерон все это знает? Каким образом?

Ответ приходит к нему автоматически:

«Имя Жако в системе. Он соврал, и ему позволили пройти, зарегистрировав как члена семьи».

Следующий вопрос тоже возникает в голове автоматически:

«Откуда я знаю, что имя Жако в системе?»

На этот раз вопрос повисает в пустоте. Кэмерон не может на него ответить, не может сосредоточиться, а когда пытается это сделать, мысли путаются. Кэмерон не знает, откуда ему все это известно: информация просто *есть*. Мама позвонила Жако, и Жако примчался. Он совсем рядом, очень близко, в комнате, читает новости в телефоне.

Заголовок гласит: «Звезда YouTube: юноша найден живым после кораблекрушения на острове Эри».

Рядом размещено фото Кэмерона.

На долю секунды его сознание фокусируется на этих словах с ослепительной ясностью:

«Меня назвали звездой!»

В следующую секунду мысли словно взрываются и разлетаются во все стороны потоками белого шума. Глаза Кэмерона распахиваются, глядят на потолок, не видя его, потом закатываются, и он чувствует, как его мозг вспыхивает огнем. Заметка в новостях, посвященная ему, вытесняется тысячей изображений, пронсящих в сознании с огромной скоростью, как будто у него в голове показывали слайд-шоу, и оно вышло из-под контроля. Это фотографии: рассвет над озером, падающие листья, какая-то женщина улыбается, держа в руке бокал вина. Пухлый младенец спит рядом с еще более толстой таксой, одетой в костюм хот-дога. Куры на чьем-то заднем дворе, дождь на улице, дюжина изображений какого-то парня – тот стоит перед зеркалом в ванной, сняв рубашку. В этом пестром каскаде Кэмерон узнает несколько лиц: мама, Жако, даже он сам – малыш, ребенок, подросток, – но не может сосредоточиться на этих картинках, они сливаются в сплошное белое пятно. К горлу подступает тошнота: мерзкое ощущение не проходит, лишь усиливается. Картинки – это только начало: сотни тысяч кадров из жизни незнакомцев, и за каждым из них скрывается какая-то информация, она накатывает на него, подобно гигантскому валу. Кэмерон точно знает, сколько в больнице пациентов и почему они здесь; он знает давление, сердечный ритм и уровень кислорода в крови каждого из них, а также предписанное им лечение. Знает, что где-то в этом здании один человек только что разослал своим родственникам групповое сообщение: «Отец угасает, приезжайте скорее», – и что в другом крыле красный, визжащий младенец только что познакомился со своими бабушкой и дедушкой, проживающими в Аргентине, – по Скайпу, разумеется.

Кэмерон чувствует, что его голова того и гляди взорвется.

Кто-то мертвой хваткой вцепляется в его плечи, шум в его голове отходит на второй план, заглушенный пронзительным криком его матери:

– Кэмерон! Дыши!

Вот только он не может дышать. Все системы его организма словно перешли в режим экономии энергии, в то время как он изо всех сил пытается закрыть портал у себя в мозгу, через который вливается слишком много всего, слишком быстро. Его губы раздвигаются, обнажив судорожно стиснутые зубы. Мужской голос выкрикивает слово «припадок», и в тот же миг Кэмерон чувствует, как что-то колет его в бедро. Секунду спустя шум у него в голове начинает стихать... нет, не так. Шум никуда не делся, это его собственный разум погружается в сон, замедляется, отталкивает информацию, вместо того чтобы обрабатывать ее, отказывается ее воспринимать.

Мозг, похожий на перегруженный сервер.

Когда он проснется, нужно будет об этом подумать.

5. Получен сигнал

В ЧЕРНОМ БЕЗМОЛВИИ между мирами дрейфует Ксэл и ничего не знает.

Она одинока, в точности как плывущий в пространстве, похожий на ласточку, поблескивающий корабль, что укрыл ее в своем чреве: не привязанный ни к какому месту, он несет ее в никуда из ниоткуда. Снаружи ничего нет – ничего, кроме пустоты. Это измерение вне пространства и времени, зал ожидания, из которого можно попасть в любую из сотен галактик. Нет ни звезд, ни звуков; только черная тишина, созвучная безмолвию в сознании Ксэл, бесконечная и ничем не заполненная. Ксэл находится здесь достаточно долго, хотя не знает этого. Ее сознание поставлено на паузу, а тело спит, зависнув в темноте, ждет пробуждения и перерождения. Без своих дополнительных возможностей она маленькая и уязвимая, не больше ступни в длину, свернулась, словно круглый розовый червяк. Она лежит в коконе из отростков, которые выходят из ее черепа и оборачиваются вокруг тела, скрывая его из виду. Витки заканчиваются в центре некоего подобия звезды, распростершей свои лучи, как пальцы без костей; некоторые из них исчезают в маленьких порталах, расположенных с разных сторон ее кокона, и соединяются с самим кораблем; они подрагивают – по ним идет информация от Ксэл к центральному блоку и обратно. Блок фиксирует ее присутствие, как делает каждый цикл с тех пор, как она вошла сюда.

Один подсоединенный к сети обитатель.

Критические повреждения органической ткани.

Рекомендуется медицинская помощь.

На мгновение Ксэл вздрагивает, и то, что чувствует корабль, становится видимым: масса обугленной и почерневшей ткани под аккуратно свитыми кольцами ее самодельного кокона. Расправившись и вытянувшись во всю длину, ее поврежденные щупальца свисали бы по обеим сторонам ее глаза, лишеного век; сейчас нейронная сеть внутри их погружена во тьму. Остальная часть ее плоти покрыта причудливым узором шрамов, но эта область не бросается в глаза, она оплавлена, мертва и бесполезна, как сильно обгорелое мясо. И даже если бы на борту была команда, способная оказать ей рекомендованную помощь, тут мало что можно сделать. Команда могла бы срезать омертвевшую плоть, но поражение пошло бы глубже. Вот почему даже во сне без сновидений, в который ее погрузила криокамера, мозговые импульсы Ксэл периодически содрогаются. Ее организм наполняется гормонами стресса, и все это скрупулезно фиксируется бдительной, индифферентной программой надзора.

Обитатель находится в состоянии покоя, но далеко не спокоен.

Не будет ей покоя, пока она не уничтожит врага своего мира.

Если бы Ксэл могла видеть сны, в каждом из них она разрывала бы старика на части. Она бы окрасила тьму его кровью и заполнила тишину его воплями. Она вырвала бы из его тела жизнь так же жестоко и окончательно, как он отнял ее жизнь. Убила бы его изнутри, забрала бы все, что ему дорого, чтобы смерть казалась ему милосердным избавлением. Она заставила бы его мучиться очень долго. А когда сон закончился бы, она сделала бы это снова. Конечно, мечты о возмездии не идут ни в какое сравнение с настоящей мстостью, но, по крайней мере, она приятно провела бы время. Хоть какое-то занятие. Возможность отвлечься, забыть об ужасной, бесконечной пустоте снаружи корабля и внутри ее самой.

В корабле все тихо и неподвижно.

А потом вдруг что-то происходит.

Одиночество – это первое, на чем фокусируется просыпающееся сознание Ксэл, ее дыхание учащается, зрачки незрячих глаз расширяются. Так она понимает, что проснулась: не благодаря тому, что чувствует, а благодаря тому, чего не может ощутить. Когда-то пробуждение напоминало ей возвращение домой: ее разум обволакивало теплое, умиротворяющее гуде-

ние улья, ее синапсы загорались эйфористическим предвкушением контакта. Ее собственный внутренний голос был сильной, долгой нотой, одной из миллионов в славном, гармоничном кличе, который длился вечно. Теперь она пробуждается в болезненной тишине, порожденной слишком большим пустым пространством. Единственный голос в ее голове – ее собственный, настолько тихий и слабый, что едва-едва слышен в этой огромной пустоте.

Вот что этот старик – Изобретатель – у нее забрал, вот что она не может простить... вот почему не может простить саму себя. Она держала его у себя, ей следовало знать, она должна была распознать вероломство за всеми его обещаниями. Он сказал, что поможет им стать лучше, а вместо этого уничтожил.

Шрамы, покрывающие ее тело, не идут ни в какое сравнение с чудовищной пустошью, оставшейся там, где прежде жил ее народ. Она до сих пор слышит пронзительные крики, помнит, как гармония сменилась воплями удивления и боли, которые, в свою очередь, сменились небытием. Разрушение было опустошительным: вся их работа погибла, растворилась в страшном молчании их разъединенных умов, связи разорвались навсегда. Их уже никогда не восстановишь, ничего уже не будет как прежде. Ксэл это знает, хоть старейшины и не хотели этого признать. Именно поэтому она покинула руины и отправилась в это место, зависшее посередине пустоты. Именно поэтому она так долго ждала... Ждала...

Вот этого.

Теперь Ксэл окончательно проснулась, ее тело оживает, наполняясь пылающей энергией – не ее собственной, но его. Электромагнитный отпечаток, оставленный работой ее врага, ни с чем не спутаешь. Каждая клеточка в ее теле гудит в унисон с этой энергией, прислушивается к сигналу, что мчится, подобно электричеству, по сети шрамов, выжженных на ее коже.

Это ее секрет, ее дар. И это станет концом Изобретателя, потому что его оружие не просто оставило на Ксэл шрамы: оно ее изменило. Его энергия горит внутри Ксэл, как горел когда-то голос ее народа. Голос взывает к ней. Изобретатель может спрятаться в самых дальних глубинах космоса, но от нее ему не скрыться.

Сигнал длится всего мгновение, но этого достаточно.

* * *

За несколько минут местоположение отслежено и выстроен маршрут – будь у Ксэл голос, она рассмеялась бы, увидев, куда он ведет. Из всех мест, в которых мог бы попытаться спрятаться Изобретатель, он выбрал самое грязное болото в известной части Вселенной. Возможно, он думал, что никому и в голову не придет искать его там; несомненно, правящий на планете биологический вид слишком глуп, чтобы обнаружить в своих рядах незваного гостя. Ну, что ж, тем лучше. Ксэл надеется, что Изобретатель весело проводил время в изгнании. Вообще-то она надеется, что тот чувствует себя в полной безопасности, что позабыл об осторожности. Тем приятнее будет застигнуть его врасплох, любоваться его растерянностью, наблюдать, как уверенность исчезнет с его лица, сменившись ужасом. Чем радостнее и спокойнее была его жизнь после бегства, тем приятнее будет отнять ее у него.

Ксэл задает координаты и с наслаждением ощущает толчок: корабль выпрыгивает из эфира и начинает движение. Ласточка летит среди звезд, а Ксэл надежно укрыта в ее чреве. Она знает, что путь только начался, он обещает быть неблизким и трудным. Ей предстоит совершить несколько дюжин межпространственных прыжков, и все они будут сопряжены с болью. Без подпитывающей силы ее народа, без всякой возможности подлечиться ее израненное тело при каждом прыжке будет принимать на себя весь удар.

Но боль проходит. Боль – это ничто. Ксэл отомстит, правда непременно выйдет наружу, так что торопиться некуда.

Чем дольше она будет добираться до цели, тем больше у нее останется времени на то, чтобы в красках, снова и снова представлять, как станет умирать проклятый старик.

6. Что же случилось с Кэмероном Акерсоном?

ВЕСНА ПОДХОДИТ К КОНЦУ, и день выдался чудесный: ярко светит солнце, по-летнему жарко. По западной стороне Уокер-Роу ездят туда-сюда на своих велосипедах Шон и Джером Коулманы, ставят велики «на попу» – кто дольше удержит равновесие, стоя на одном заднем колесе. Каждый раз, доезжая до конца улицы, мальчишки останавливаются напротив дома 32, обшарпанного кирпичного здания с желтой дверью на парадном крыльце.

– Попробуй постучать, – предлагает Джером.

– Ни за что, – говорит Шон.

– Да ладно. Он ведь все равно не откроет.

– Ах так? Тогда стучи.

Тот мальчик, что повыше, недовольно кривится:

– Не-а. Ни за что.

Так и не достигнув согласия, мальчишки тарашатся на дом, а тот словно глядит на них в ответ. Возможно, он *действительно* на них смотрит. Занавески на окнах всегда задернуты, но ребята знают: обитатель дома внутри.

Все знают, что он там.

Паренек с YouTube, в которого ударила молния на озере, вернулся домой... другим.

* * *

Кэмерону нет дела до мальчишек снаружи. Он знает, что они там: один пониже, со старым айподом в кармане, другой повыше – этот любит сидеть на крыльце своего дома, расположенного через два дома от дома Кэмерона, и играть в детскую карманную видеоигру. Но присутствие этих мальчишек для Кэмерона не более чем фоновый шум, настолько слабый, что его легко игнорировать. Именно поэтому он предпочитает сидеть в подвале, где нет никаких звуков, кроме гудения его жестких дисков, и где нет света, кроме свечения компьютерных экранов. Если сконцентрироваться, Кэмерон может притвориться, будто внешнего мира вообще не существует, а сам он сидит в центре маленькой вселенной, окруженной бетонными стенами, ширина, длина и высота которой всего-навсего три с половиной метра.

Раздается приглушенный голос его матери:

– Кэмерон? Золотце?

У него за спиной приоткрывается дверь на верхней площадке лестницы, и в комнате становится чуточку светлее: из темноты проступают очертания системных блоков компьютеров и стол, на котором лежат остатки навигационного визора и «Стедикама». Как и сам Кэмерон, его вещи пережили кораблекрушение, но оказались серьезно повреждены. И уже никогда не будут прежними.

За спиной раздается неуверенное шарканье. Мать раздумывает, спустаться или нет. Она надеется, что этого делать не придется. Каждый раз, приближаясь к Кэмерону, она приносит с собой целый воз эмоций: вину, тревогу, жалость и страх, такие сильные и тяжелые, что они грозят обрушиться на Кэмерона и задушить. Шорох перемещается в центр дверного проема. Теперь голос матери четче, но мягче.

– Кэмерон? Я сварила суп. Я сейчас ухожу на работу, так что просто... словом... можешь подогреть суп, если захочешь поесть.

Кэмерон чувствует, как взгляд матери сверлит его затылок, но не двигается. Снова раздается шарканье. «Прошу, уходи», – думает он. Мать со вздохом уходит. Дверь закрывается, комната вновь погружается в темноту, и Кэмерон снова остается один.

Он ерзает, зарывается глубже в продавленный диван и смотрит, как вновь загораются экраны. На каждом идет компьютерная игра, три разных персонажа стреляют во все, что движется, прорываясь вперед по трем разным местностям. Глаза Кэмерона стекленеют: он концентрируется, позволяя цветам и текстурам обволакивать его, и посылает волны кодов на виртуальные поля сражений. Он будет сидеть тут часами никем не потревоженный, пробивая себе путь через виртуальные королевства, подобно богу. Здесь он контролирует все и вся. Здесь он может бегать, летать, сносить любые преграды и врагов так легко, словно смахивает пушинку. И здесь никто не таращится на его шрамы, не спрашивает про тот несчастный случай: сетевые игроки даже не знают его имя, им известны лишь его непревзойденные навыки. Он называет себя Воскрешенный Лорд.

Вот что больше всего нравится Кэмерону в играх: здесь Кэмерона Акерсона не существует.

* * *

И все бы хорошо, когда бы не было так грустно. В день, когда Кэмерон отправился на озеро Эри, ему хотелось лишь одного: чтобы мир узнал его имя. Теперь все его знают, а его настолько тошнит от себя самого, что он лучше умрет, чем запишет еще хоть одно видео. Последний ролик, который он загрузил на YouTube, набрал уже почти два миллиона просмотров. Каждый день он получает множество комментариев с просьбами выложить в Сеть еще что-нибудь. Арчер Филип забрасывает его электронными письмами, предлагает сотрудничать и совместно организовывать розыгрыши. От такого признания прежний Кэмерон лопнул бы от ликования, но теперь эти письма всего лишь еще одно напоминание о том, что прежний Кэмерон исчез навсегда.

Видео, в котором его ударяет молния, разлетелось по Интернету мгновенно: к тому времени как Кэмерон очнулся в больнице, сюжет уже попал в новости по всему миру, а список подписчиков на его интернет-канале побил все рекорды. С десятков знаменитостей отправили ему сообщения, желая скорейшего выздоровления, а одна из «Настоящих домохозяйек» – он не помнил, какая именно, – организовала в Интернете сбор средств, чтобы оплатить его медицинские счета и заменить разрушенную «Солнечную рыбу», хотя в конечном счете лодка была ему больше не нужна. Кэмерон и подумать не мог, что его мать окажется такой сообразительной и предприимчивой, когда дело дойдет до общения с прессой: в результате нелегких переговоров эксклюзивные права на первое и единственное интервью, посвященное несчастному случаю, были оценены в шестизначную сумму. Кэмерон дал интервью, лежа на больничной койке, и на тот момент был так накачан обезболивающими, что не помнил ни слова из того, что тогда наговорил.

Теперь все это его не волнует. Он даже не посмотрел интервью. Он больше не хочет популярности, не хочет вести прямую трансляцию в Твиттере со своего выпускного, хоть ему и предлагали по три тысячи долларов за один пост. Не хочет устраивать вечеринку для одноклассников, которые почти не разговаривали с ним долгие четыре года, зато теперь в один голос заявляли, что они его лучшие друзья. Он не хочет делать селфи или обмениваться телефонными номерами со случайными девчонками, которые видели, как он едва не утонул, и не важно, сколько раз Жако повторял, что пятнадцать минут славы быстро пройдут, так что Кэмерону следует пользоваться вниманием поклонниц, пока те вьются вокруг, в надежде привлечь его внимание. Кэмерона тошнит от вида собственного дурацкого лица на экране – или где бы то ни было еще.

Вот еще один положительный момент пребывания в подвале: здесь не просто темно, но еще и отсутствуют любые отражающие поверхности.

Стоит ему посмотреть в зеркало, и первым делом он видит шрам. Место, через которое молния вошла в его тело, отмечено раной, имеющей форму фрактального дерева: ствол оплетает его плечо и, извиваясь, ползет вверх, за ухо, а ветви обнимают его шею и череп, подобно сотне паучьих лапок. Самая длинная, похожая на червя, заканчивается возле уголка его правого глаза – все говорят, что ему повезло, ведь он мог вообще лишиться глаза. Шрам немного похож на подпись, которой молния завершила свою работу.

Порой Кэмерон представляет, что в конце концов привыкнет к шраму. Мама говорит, мол, шрам будет не так заметен, когда отрастут сгоревшие волосы, а когда Жако навещал приятеля в больнице, то заявил, что теперь Кэмерон выглядит *лучше* – «прямо злодей из фильма про Джеймса Бонда» – а потом долгих десять минут пытался объяснить разъяренной Ракель Акерсон, что на самом деле хотел сделать комплимент. Кэмерон такого оптимизма не питает, зато с облегчением осознает, что не слишком переживает на этот счет. Если уж на то пошло, он не планирует становиться моделью, и Жако в чем-то прав: теперь Кэмерон определенно выглядит интереснее. Однако изменилось не только его лицо. Больше всего пострадало место, из которого вышел электрический разряд, и уж тут-то ничего хорошего точно нет: в центре его пятки выжжена полость; хирурги аккуратно удалили отмершую плоть, а потом трансплантировали новую. В итоге нога Кэмерона стала на двадцать процентов короче относительно прежней длины, и в ней повреждены нервы. Он хромотает при ходьбе, наступать на поврежденную ногу очень больно. Даже если ему позволят закончить школу в следующем месяце – еще одна привилегия, идущая в комплекте с внезапно обретенным статусом самого знаменитого ученика школы, – одна мысль о том, как он на глазах у всех будет вперевалячку ковылять по сцене, чтобы взять диплом, наполняет его ужасом. Кто-то наверняка заснимет это на видео, выложит в Интернет, и что тогда? Ролик стремительно распространится по Сети, станет популярнее любой порнографии. Стоило Кэмерону подумать об этом, и кровь закипала в жилах от ярости.

Его психиатр утверждает, что злость – неотъемлемая часть процесса. Мама Кэмерона придерживается того же мнения; он каждую неделю посещает доктора Надю Капур. Еще он консультируется с ней в видеочате: пришлось скрепя сердце признать, что это очень эффективный способ заставить его посещать консультации без всякой возможности от них увильнуть. К тому же Капур не так уж плоха. Она умная, веселая и разговаривает с ним как с нормальным человеком, никогда не просит делать всевозможные глупости вроде рисования картинок, которые бы выражали его чувства. Но когда она говорит Кэмерону, что его жизнь изменилась, что ему придется оплакать потерю того человека, каким он был когда-то, в точности так, как он скорбел бы об умершем, хочется ей сказать, что она ничего не понимает. Дело не в том, что Кэмерон не может справиться с потерей себя прежнего. Проблема заключается в другом: он не может принять то, что приобрел.

Он не хочет этого принимать. Ему *это* не нужно.

* * *

Сначала Кэмерон даже не понимал, что с ним происходит, как и его доктора – те принялись ставить всевозможные диагнозы, от звона в ушах до сотрясения мозга. Стоило ему прийти в сознание, как в голове у него возникал шум, с каждой секундой становившийся все громче. Первую неделю он мог бодрствовать не дольше пяти минут подряд, после чего начинал вертеть головой и пронзительно кричать, так что медперсонал поспешно вкалывал ему снотворное. В конце концов врачи решили, что удар молнии до сих пор оказывает влияние на мозговую активность Кэмерона, и это объясняет все – от припадков до странных результатов электроэнцефалограммы. Но это было всего лишь предположение, разъяснение, понятное одним только докторам, благодаря которому они чувствовали, что поработали не зря. Уже тогда Кэмерон знал, что они ошибаются.

Он стал не ущербнее, а могущественнее.

С каждым днем он поправлялся, становился сильнее, приобретал все больший контроль: стремительный приток информации, бомбардировавшей его всякий раз при пробуждении, из неуправляемого цунами превратился в спокойный ручей. Кэмерон смог сократить его концентрацию, но полностью заглушить так и не сумел. Лишь вернувшись из больницы домой, он в полной мере осознал, что это значит. Дождался, пока мама уйдет в магазин, потом направился напрямик в подвал – туда, где темно и тихо, а единственной машиной в комнате был старый компьютер его отца, утонувший в пыли, но еще рабочий. Ребенком Кэмерон любил включать его и играть в игры: теперь же компьютер был нужен ему, чтобы проверить правильность одной догадки, которую любой рационально мыслящий человек немедленно отверг бы, как абсолютно невозможную. Всего на миг допустив вероятность подобного шутки ради, Кэмерон сразу почувствовал себя сумасшедшим. Возможно, он и впрямь свихнулся. Может быть, все это уже галлюцинация, и, когда его эксперимент провалится, он со всего маху стукнется лбом о стену и скажет маме, что ему жаль, но та молния сварила его мозги всмятку, так что она не обидится, если Кэмерон просто сдастся и навечно поселится в ее подвале, правда?

Экран компьютера автоматически отключался, если слишком долго не двигать мышкой и не прикасаться к клавиатуре, так что Кэмерон включил его и ждал, наблюдая, как экран гаснет и на черном фоне начинает плавать стайка рыбок. Он сосредоточился, не сводя расфокусированного взгляда с рыб, прислушался к темноте в своем сознании. Он фильтровал лишние шумы до тех пор, пока не остался один-единственный голос, говоривший на странном языке, который Кэмерон никогда не изучал, однако необъяснимым образом понимал.

Кэмерон сконцентрировался и заговорил в ответ.

На экране рыбы икнули и поплыли быстрее. Они плавали кругами, сталкивались, разлетались в разные стороны. Рыб становилось все больше, они вертелись плавник к плавнику, хвост к хвосту, образуя сложный узор, как стеклышки в калейдоскопе, и этот причудливый рисунок разрастался от центра экрана к краям, словно мандала. Цветок, сложенный из рыбок. Наконец цветок застыл, и Кэмерон шагнул вперед, протянув руку к экрану. От системного блока исходил сильный жар, будто из печки, и Кэмерон вздрогнул: он отпрыгнул, перевел дух, хотя даже не помнил, когда затаил дыхание, и оборвал разговор, который до сего момента мысленно вел. Рисунок на экране рассыпался, рыбки возобновили свое неспешное скольжение по черной поверхности. Кэмерон смотрел на них остекленевшими глазами и думал: «Вот черт».

Дело не в повреждении головного мозга. Он не бредит.

То, что он сейчас проделал, можно описать одним словом.

То, чем он стал.

Киберкинетика.

* * *

В понедельник Кэмерон смотрит на свой телефон и хмурится: у себя в голове он слышит закодированное щебетание аппарата, но общаться двумя способами одновременно... непросто. Это программное обеспечение куда сложнее, чем блокировка экрана старого отцовского компьютера, требует большей сосредоточенности, тонкости. Уставившись на свое отражение в черной зеркальной поверхности экрана, Кэмерон концентрируется и посылает мысленный приказ: «Ответь».

«Ну же».

«ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ВКЛЮЧАЙСЯ, ТУПАЯ ТЫ ЗАДНИЦА!»

Экран остается черным и безжизненным.

Потом вдруг телефон в его руке звенит.

– Извините, – говорит приятный голос телефонного электронного помощника. – Я не расслышал, что вы сказали.

Кэмерон улыбается.

* * *

Во вторник Кэмерон кладет телефон на свой письменный стол, идет в другой конец комнаты и мысленно приказывает аппарату принять новое изображение. Мобильный немедленно повинует: Кэмерон *чувствует*, как цифровая начинка телефона пощелкивает, и в нем появляется фотография. Он закрывает глаза и концентрируется: лежащий в пяти метрах от него телефон открывает приложение-редактор и следует командам Кэмерона. Когда юноша снова подходит к столу, на экране мобильного его ждет готовый продукт: спальня Кэмерона исчезла с картинки, сменившись пешеходным мостиком боевой станции «Звезда смерти», в центре которого стоит Дарт Вейдер, а Кэмерон выглядывает из-за плеча грозного ситха и показывает знак мира. Над головой у него мигает текст: «Я тот дрон, которого вы ищете».

Кэмерон хохочет, потом вздрагивает, услышав прямо у себя за спиной голос матери:

– Кэмерон? С тобой все в порядке?

Он оборачивается, готовясь лепетать какие-то оправдания, потом осознает, что в этом нет необходимости. Вместо этого он поворачивает телефон и показывает маме картинку – в ней нет ничего особенного, если не знать, что он создал ее силой мысли.

– Мило, – говорит мама. – Кажется, такие штуки называют мемами?

* * *

В среду Кэмерон с помощью своих способностей подключается к камере внешнего видеонаблюдения, установленной на доме соседки, а через нее – напрямую к ее мобильному телефону и делает жуткое селфи, увидев которое бедняжка завопит как резаная.

В четверг Кэмерон изменяет программный код цифрового видеомонитора в доме номер 42 по Уокер-Роу, что стоит через три участка от них, и заменяет все хранящиеся в нем записи одной серией шоу «Адская кошка», которое крутят по каналу «Animal planet».

В пятницу Кэмерон тянется еще дальше по улице, до самого угла, туда, где живет мистер Пападаполус, придурковатый сосед, конфискующий все мячи и летающие диски, случайно попавшие к нему во двор, и который однажды пытался застрелить кота Кэмерона из духового ружья. Вредный тип как раз оставил свой ноутбук открытым, а сам отошел за очередной сигаретой. Кэмерон захватывает контроль над компьютером, открывает в браузере «Амазон» и заказывает семнадцать огромных тюбиков крема от геморроя, указав в строке «адрес доставки» координаты офиса мистера Пападаполуса. Еще и упаковка в подарок.

В субботу Кэмерон еще раз обдумывает тот случай с котом и духовым ружьем, после чего снова хакает жесткий диск Пападаполуса, отбирает там несколько из многочисленных селфи в голом виде и отправляет их матери Пападаполуса.

Бедный Капитан Липкие Лапки давным-давно упокоился, но это дело принципа.

* * *

Сначала Кэмерону нравится исследовать границы своих новых возможностей. Гудение у него в голове – эта оглушительная какофония, напоминающая гудение улья, в который сунули микрофон, – уже превратилось в умиротворяющее журчание. Все устройства, от его собственного мобильного до электронного терморегулятора, немедленно откликаются на его запрос

приветственным: «Что я могу для вас сделать?» Однако Кэмерон довольно быстро понимает, что постоянный доступ в электронные жизни других людей не всегда благо. Порой там можно наткнуться на жуткие вещи. Если вы оставляете анонимные комментарии в Сети, для Кэмерона вашей анонимности не существует. Он все равно узнает, кто вы, даже вопреки своей воле... по правде говоря, он почти во всех случаях предпочел бы остаться в неведении. Он был неприятно поражен, узнав, что миссис Кларк, милая старушка, что живет по соседству, по вечерам заигрывает с парнями на сайте знакомств, используя фотографию собственной дочери, а также что их школьный психолог ночи напролет убеждает незнакомых людей в том, что на самом деле никакой высадки на Луну не было. Но хуже всего то, что прячется в мобильных устройствах близких ему людей. Когда Жако в первый раз зашел в гости после случая на озере, Кэмерон с помощью своих киберкинетических способностей заглянул в мобильный телефон друга и немедленно об этом пожалел. Никогда еще ему не случалось видеть настолько удручающего цифрового ландшафта: ни новых контактов, ни переписок, ни комментариев, ни фотографий. Смерть матери, подобно ядерной бомбе, уничтожила всю общественную жизнь Жако, оставив после себя лишь грудку промерзших камней. Телефон Жако принадлежит человеку, который ни с кем не общается, не ходит на свидания, не посещает кафе, не ковыряется в автомобиле, на котором они с матерью по выходным ездили в Цинциннати на встречи клуба автолюбителей. Вместо всего этого GPS-логи его мобильного показывают, что Жако ездит из дома на работу, а потом с работы домой, и так день за днем... только по пятницам он изменяет этот маршрут и после работы едет домой через самую беспокойную часть города, предварительно сняв в банке несколько сотен долларов. Кэмерону не известно, что Жако делает в том районе, зато он знает, что в последний раз, вернувшись оттуда, его друг целый час искал в Интернете сайты, торгующие оружием.

Кэмерон предпочел бы не знать всего этого: когда видишь нечто подобное, совесть требует что-то предпринять, протянуть руку помощи... но как? Как объяснить лучшему другу, что знаешь о том, чего он тебе не рассказывает? Кэмерон взаимодействует с телефоном друга легко и непринужденно, а вот сам Жако стремительно от него отдаляется.

Тогда-то Кэмерон и решил, что не желает этого. Все эти способности ему не нужны. Многие знания рождают многие печали, и он ненавидит себя за то, что слишком много знает, за то, что не может не знать. Если бы он был хорошим человеком, то нашел бы способ остановить все это. Он чувствует себя убийцей-маньяком из фильма «Подглядывающий», потому что получает информацию, которая не предназначена для чужих глаз. Даже если люди не делают в Сети ничего постыдного, у них есть право на приватность. Например, в телефоне его мамы установлено мобильное приложение для знакомств, и она им пользуется. При мысли о том, что мама будет встречаться с мужчинами, Кэмерон чувствует вину и отвращение: она никогда не упоминала об этом, но ему самому следовало бы спросить. Разумеется, она ходит на свидания. А почему бы и нет? Каким же тупым эгоистом он был прежде, если только, получив молнией по голове, понял, что его мать – живой человек, имеющий право на личную жизнь? Она уже какое-то время встречается с одним парнем по имени Джефф, и Кэмерон вынужден признать, что мужик вполне приличный. Узнав через мамин телефон полное имя Джеффа и его адрес, Кэмерон воспользовался старомодным поиском в Google, дополнив его несколькими элементарными взломами, но так и не нашел ничего криминального, если не считать чрезмерного увлечения «Звездными войнами» и затяжной борьбой с грибок ногтей на ногах. Зато мама рассказывает этому парню все, даже такое, о чем Кэмерон до сих пор не знал, говорит даже *о самом Кэмероне* такое, что никогда не высказала бы сыну в лицо. Телефон у нее в кармане подобен ящику Пандоры и таит в себе множество ужасов, но Кэмерон все равно раз за разом его открывает и каждый раз жалеет об этом. Мать считает, что у ее сына проблемы с эмоциями, думает, что это она во всем виновата. Жалеет, что в свое время поступала так или этак, и мучается, будучи не в силах что-то изменить. Волнуется из-за затворничества Кэмерона, из-за

его боли, его шрамов, его будущего – будущее сына тревожит ее больше всего, она боится, что у Кэмерона не будет будущего. Как-то вечером, несколько дней назад она написала Джеффу:

Он изменился.

Не знаю, что делать.

Не хочу, чтобы он всю жизнь провел в одиночестве.

На это Джефф ответил:

Да, но, может быть, ЕМУ хочется именно этого.

Для простого человека средних лет, страдающего от грибка ногтей, Джефф оказался довольно проницательным.

Но так ли это? Кэмерону действительно хочется одиночества? Несколько недель назад он бы ответил: «Нет, конечно же, нет». Тогда он хотел того же, чего хотят все остальные: любви, признания, дружбы. Ему даже хотелось повстречать хорошую девушку, потому что, боже правый, у него никогда не было девушки! Он даже никогда не целовал девушку, разве что на спор, после чего немедленно подвергался осмеянию, ибо все знали, что Кэмерон Акерсон достоин разве что статуса друга, но никак не больше. Прежде ему хотелось поступить в колледж, познакомиться с новыми людьми и вести насыщенную, интересную жизнь: жена, дети, дом, домашние животные – стандартная мечта. Конечно же, он не хотел одиночества.

Но то было раньше. Теперь же, оказавшись рядом с другими людьми, он сразу же встретится с их мобильными устройствами, и придется, стиснув зубы, слушать их несмолкающий гул. Едва выйдя на улицу или сев в автобус, Кэмерон тут же подвергается информационной атаке; как же он справится со всем этим шумом, если окажется в школьном классе? Или, того хуже, в студенческом общежитии, или в здании, полном детей, у каждого из которых в кармане лежит смартфон? Даже содержимое маминого телефона больно бьет ему по мозгам изо дня в день, а ведь это человек, которого он любит и которому доверяет. Каким же образом он сможет завести друзей или ходить на свидания, если мгновенно узнает самые темные секреты людей? Как сможет притворяться нормальным, обыкновенным человеком? По мере развития его способностей – а они с каждым днем все ширятся – Кэмерону все больше кажется, что он теряет связь с реальностью. Порой ему даже кажется, что он не человек.

Игры дают ему возможность спрятаться от этих раздумий, затеряться в виртуальном мире, над которым он обретает все больше и больше контроля. Он и раньше был весьма ловок, в той, старой жизни, когда играл, держа в руках один джойстик, но теперь, когда он стал Воскрешенным Лордом, его не остановить. Сначала способность взаимодействовать с компьютерными программами просто помогала ему выиграть: у себя в голове он, подобно тихому шепоту, слышал все коды, предварявшие все следующие шаги других игроков еще до того, как действие совершалось на экране. Поэтому Кэмерон мог предугадывать передвижение своих противников и избавлялся от них одним сверхточным ударом. Но потом легкие победы приелись, и пришла пора странностей... пожалуй, Кэмерон даже капельку веселился. Когда он начал бить собственные рекорды, то выяснил, что легким движением своих ментальных мускулов может переделать игру изнутри, изменяя все что угодно – от ландшафта и оружия до одежды героев. Иногда он проносился через толпу врагов на немыслимой скорости, расстреливая их не из винтовки, а из огромного банана. В другой раз изменял свой аватар: исчезал в одном конце ангара и появлялся в другом, но выглядел как Гомер Симпсон, или детектив Шафт⁸, или медведь-гризли, затаенный в балетную пачку. Как-то раз он заморозил весь ландшафт, заставил всех до последнего аватаров скинуть штаны и танцевать хип-хоп, а сам хихикал, воображая, как остальные игроки по ту сторону экранов отчаянно лупят по кнопкам джойстиков, ревя от злости и разочарования.

⁸ «Шафт» – американский полнометражный фильм. Главный герой, детектив Шафт, известен своей жесткой манерой обхождения с преступниками.

Сегодня он играет на автопилоте: расправляется со всеми соперниками, убивает врагов направо и налево, меняет игры, когда ему заблагорассудится, но особенно наслаждается кровавой резней. Его герой с боем прорывается через новую локацию: огромный, сияющий город, на который он наложил слой архитектуры в стиле стимпанк – просто чтобы было интереснее. В небе плывут поблескивающие цеппелины, доставляющие группы убийц, и те толпами несутся к нему сверху вниз по причудливо изогнутым винтовым лестницам, навесным мостикам и строительным лесам. Он останавливается на длинном, крутом мосту, по обоим концам которого возвышаются два стеклянных шпиля, припадает к земле и не торопясь перебирает оружие, поджидая, когда враги с двух сторон окружают его. До удара молнии такая ситуация автоматически означала бы конец игры: его расстреляли бы с двух сторон, загнанный в угол, он не смог бы выбраться. Теперь же он неуязвим. Никому не под силу его остановить. Пули его противников причинят его непобедимому аватару не больше вреда, чем лепестки роз.

Когда Воскрешенному Лорду сносят голову из гранатомета, Кэмерону требуется целая минута, чтобы осознать, что он только что увидел. Его аватар падает с моста и разбивается о землю, рассыпавшись окровавленной грудой пикселей. Его пристрелили во время игры, и, похоже, никто из игроков этого не заметил – если не считать самого Кэмерона. Впервые за сегодняшний день он по-настоящему концентрируется на игре, выключает две другие игры и, открыв рот, таращится на экран.

«Что только что случилось?»

Он пытается нащупать код, ожидая, что игра предложит какое-то объяснение, но ничего не находит. Очевидно, произошла случайность; Кэмерон даже не увидел, как все случилось. Кому-то просто повезло, думает парень, но больше этому кому-то так не повезет. Он вновь возрождает персонажа, только на сей раз окружает его непробиваемым силовым полем и мчится вверх по ближайшей винтовой лестнице, удерживая оружие наготове. Повернув за очередной угол, он едва не сталкивается с другим аватаром: это девушка, одетая в классическую форму пилота, ее лицо частично закрыто летными очками, а из-под шлема выбиваются рыжие волосы. Она просто стоит на месте. Должно быть, какая-то случайная девчонка захотела поиграть, рассуждает Кэмерон, – ей, наверное, приглянулся симпатичный аватар, но играть она не умеет и не знает, что делать. Юноша возводит глаза к небу и делает шаг в сторону, чтобы обойти девушку.

Однако та тоже делает шаг, преграждая ему путь. Кэмерон делает движение в другую сторону с тем же результатом. Девушка приклеилась к нему, как жвачка. Ну хорошо, раз она не хочет уйти с дороги, пусть умрет. Он уже собирается прикончить ее одним ударом и, возможно, обнулить ее счет – просто чтобы преподать нахалке урок, как вдруг обнаруживает, что не может этого сделать. Система не отвечает; его команды встречают ленивое сопротивление, словно поток данных перехватывается в каком-то месте чьей-то твердой рукой. Девушка-пилот подмигивает Воскрешенному Лорду, кокетливо машет ручкой... а потом всаживает ему в грудь нож с очень длинной рукояткой. Недовольство Кэмерона сменяется отвратительным ощущением огромной дыры, образовавшейся в районе желудка. Он потрясенно смотрит, как его аватар умирает уже второй раз за несколько минут, и тут на экране появляется личное сообщение:

Привет, моряк. Я давно умираю от желания встретиться с тобой.

Нет, думает Кэмерон. Не может быть. Это полная бессмыслица. «Привет, моряк». Это просто цитата из фильма или еще откуда-нибудь, люди так иногда говорят. Это просто совпадение. Не может быть, чтобы человек, скрывающийся за этим аватаром, знал, что Воскрешенный Лорд – это Кэмерон Акерсон. Откуда этой девчонке знать?

Если еще раз попадешься мне на пути, то точно умрешь, – пишет он в ответ. – ***Это моя лодка, девочка. Иди, поиграй в другом месте.***

Следующее сообщение незнакомки делает дыру у него в животе еще глубже:

Меня тебе не побить, дружок. Тебе просто повезло с тем ударом молнии.

Кэмерон пронзительно вопит, в ярости бросается к клавиатуре, потом вспоминает, что ему больше не нужно набирать текст пальцами, к тому же сейчас не время строчить гневные обидные комментарии, во всяком случае, нельзя бросать оскорбления, не подумав.

Откинувшись на спинку дивана, он делает глубокий вдох. «Осторожно, – думает он. – Спокойно».

Кто ты? – посылает он сообщение.

Ответ приходит мгновенно:

Я бы тебе сказала, но тогда мне придется тебя убить... еще раз. Поймай меня, если сможешь.

Кэмерон не колеблется, но на этот раз система не противодействует юноше. Девушка-пилот поворачивается к нему, поигрывая ножом. Он дает ей сделать один шаг, всего один.

Потом он ее сжигает.

В следующую секунду она вновь появляется, но на этот раз Кэмерон не ощущает сосущей пустоты внутри. Он чувствует нечто другое, что-то, чего не испытывал очень, очень давно: предвкушение. «Она со мной играет», – думает Кэмерон, но эта мысль ему приятна. Она его дразнит, подшучивает. Девушка позволяет ему убить себя и тут же появляется, но в ее действиях не чувствуется угрозы, только вызов в самом лучшем смысле этого слова. Кем бы она ни была, она достойный противник. Кэмерон чувствует, что она ждет следующего хода, и понимает, что не может предугадать ее действия. В отличие от других игроков она сумела скрыть от него свои коды, стала невидимкой – а значит, предлагает Кэмерону то, чего он уже не надеялся получить.

Настоящую игру.

Она словно прочитала его мысли.

На экране вновь появляется сообщение:

Неплохо. Давай играть.

Несколько часов спустя Кэмерон, тяжело дыша, откидывается на спинку дивана, его сердце колотится так, будто он не в игру играл, а только что совершил настоящий марш-бросок ради спасения своей жизни. Это была лучшая схватка на его памяти. Он приложил все силы, действовал на пределе своих возможностей, но все равно каждый раз соперница ни в чем ему не уступала. Пожалуй, она оказалась не так изобретательна, как он, но была такой же одаренной: едва Кэмерон создавал новое оружие, как она вырывала его у него из рук, находила дыры в его защите, до сих пор казавшейся непробиваемой. Они вылетели из города и устремились в лес, где Кэмерон воздвиг себе крепость: девушка вытащила из основания стены один-единственный кирпич, и неприступная твердыня обрушилась, как башня Дженга. Один раз он выстрелил в девушку не целясь, и у ее аватара образовалась сквозная дыра в животе, однако в следующую секунду из этой дыры выдвинулась пушка, дала ответный залп, и Воскрешенный Лорд умер, буквально корчась от смеха. Кэмерон наделил своего аватара огромными механическими руками, но девушка-пилот оторвала их и этими самыми руками забила Воскрешенного Лорда до смерти. Под конец они, не сговариваясь, промчались через всю игру бок о бок, уничтожая всех попадавшихся на пути игроков, остановились на границе цифрового мира, покрытые кровью своих врагов, и обернулись, чтобы посмотреть на оставшиеся позади дымящиеся поля боя. Стекланный город лежал в руинах, на вершине последней уцелевшей башни висел, насаженный на острие шпиля, дымящийся цеппелин. Цифровые тела остальных ничего не подозревающих игроков валялись тут и там, подобно сломанным куклам. На форуме, посвященном игре, велись пламенные дискуссии, в ходе которых народ выдвигал разные теории, силясь понять, что за ударная волна накрыла систему: половина игроков винила в случившемся вредоносное ПО, а другая половина на чем свет стоит поносила китайских хакеров. Тогда-то Кэмерон и повторил свой вопрос, но на этот раз не со злостью, а с уважением:

Кто ты?

Последовала долгая пауза, в течение которой Кэмерон напряженно ждал ответа, но так и не получил его.

Только что она была рядом с ним.

А в следующий миг уже исчезла.

* * *

Кэмерон моргает, лишь теперь запоздало ощущая резь в глазах, смотрит на безлюдный ландшафт – его аватар остался один. Никогда прежде он до такой степени не растворялся в игре. Он так долго просидел в одной позе без движения, что уже не понимает, где заканчивается диван и начинается его задница. Когда он потягивается, оба его колена громко хрустят, кровь вновь начинает поступать в затекшие руки-ноги, и те неприятно зудят. Кроме того, ему еще никогда в жизни так сильно не хотелось справиться малую нужду.

Снаружи солнце уже село, и Кэмерон с удивлением осознает, что сейчас десять часов, и он страшно вымотался, но это приятная усталость, сравнимая с той, что накрывала его после целого дня, проведенного на «Солнечной рыбе», когда он гонялся за переменчивыми ветрами на озере. Кэмерон мог бы уснуть прямо сейчас и не открывать глаз до самого утра... если бы не глухое раздражение, охватывавшее его при виде неотвеченного вопроса, что до сих пор светился на экране. Может быть, он ее напугал? Рассердил? Или же в дело вмешалось третье лицо, и кто-то перекрыл канал, который они полностью оккупировали, перебрасываясь потоками данных в ходе своей эпической битвы? Кэмерон закрывает глаза и концентрируется на игре. Он чувствует сотни игроков, даже тех, кто в данный момент не активен; их присутствие создает легкое возмущение в потоке данных – так человек, прячущийся в темной комнате, дышит или переступает с ноги на ногу, вызывая тем самым едва ощутимое движение воздуха. Таинственной незнакомки нет. Кэмерон даже не видит след, который должен был остаться в том месте, где она вышла из системы. Она как будто взяла и перестала существовать. Раз – и пустота. От ее внезапного исчезновения ему не по себе, но тут уж ничего не поделаешь. Девушка-пилот пропала. Кэмерон вздыхает, и экран гаснет.

И тут он замечает, что его лежащий на столе телефон все еще светится – в центре экрана горит какое-то уведомление. До сих пор Кэмерон не замечал его, потому что мог думать только о загадочном втором игроке и об их странном, непродолжительном контакте. Теперь же дыхание перехватывает у него в горле, потому что он осознает: прежде чем уйти, девушка оставила сообщение. Четыре простых слова, но сколько они обещают!

Ниа хочет установить контакт.

7. Новое начало

С ПОЯВЛЕНИЕМ НИА жизнь Кэмерона полностью меняется. Благодаря ей он наконец понимает: необязательно отвергать доставшийся ему дар. Прошла уже неделя с их первой удивительной встречи, с тех пор как после эпического сражения Кэмерон, задыхаясь, сидел в темном подвале и смотрел на ее сообщение, светящееся на экране. С тех пор они беседуют каждый день. Сначала он каждую минуту ждал подвоха, подозревал, что появление Ниа – это один большой розыгрыш, что он стал жертвой какого-то злобного шутника вроде Арчера Филипса. Или же за ним наблюдают спецслужбы, хотя понятия не имел, с какой стати правительство могло им заинтересоваться. Он никому и словом не обмолвился о своих способностях, и в будущем собирался держать рот на замке. Эту черту он ни за что не перейдет: слишком опасно. Но даже если за ним никто специально не следит... что ж, люди постоянно врут в Интернете, представляясь чужими именами. Здоровый скептицизм еще никому не навредил, а присутствие в Интернете Ниа сопровождалось завесой тайны: она не только оказалась хакером-виртуозом, но еще и активно общалась на различных интернет-площадках, переписывалась с сотнями и тысячами друзей. Когда Кэмерон попытался приоткрыть завесу и найти настоящую девушку по ту сторону экрана, он, к своему огромному смущению, остался ни с чем. Он как раз пытался отследить ее IP-адрес, когда его телефон загудел: пришло новое сообщение:

Подсматривать очень некрасиво.

Щеки Кэмерона горели огнем от стыда, но он ничего не мог с собой поделать: парень еще больше стал восхищаться способностями Ниа и еще больше сторал от любопытства.

В конечном счете все его страхи оказались необоснованными. Ниа вполне, на сто процентов настоящая. Она не только первоклассный геймер и хакер – с того первого вечера, когда они вдвоем промчались через систему, Кэмерон не сомневался, что столкнулся с великим дарованием. Но девушка ли она? Ага. Симпатичная? Еще бы.

Когда они впервые встречаются лицом к лицу в видеочате, Кэмерону мгновенно становится стыдно: как он мог в ней сомневаться? Несомненно, Ниа именно та, кем назвалась: семнадцать лет, чертовски умна и ослепительно красива, настолько, что Кэмерон сразу же начинает комплексовать из-за своих всклокоченных волос и шрама на виске. Впрочем, даже если Ниа и разочарована, то никак этого не показывает. Вообще-то вид у нее такой, будто она нервничает.

– Я не могу долго разговаривать, – говорит она. – Если отец поймает меня за болтовней с тобой...

– Дай угадаю, – говорит Кэмерон. – Он из числа чокнутых параноиков, которые считают, будто все пользователи Интернета серийные убийцы или педофилы.

Ниа улыбается:

– Что-то вроде того. Он станет задавать слишком много вопросов.

– Я умею находить общий язык с родителями. Ты могла бы меня представить... – начинает было Кэмерон.

У Ниа округляются глаза:

– О нет. Я... Нет, Кэмерон, извини. Мне пора.

Она отключается, и экран гаснет.

Кэмерон разочарован – весь их разговор уложился в одну минуту – и в то же время испытывает смутное облегчение. Необходимость смотреть на Ниа во время разговора выбивает его из колеи, он становится нервным и косноязычным, не говоря уже о том, что сильно потеет, и это заметно на экране. Зато, общаясь посредством сообщений или через аватара, он не ощущает такого давления. Кэмерон может быть обходительным, остроумным, даже слегка пофлиртовать. В виртуальном пространстве не существует неловкости. Их сообщения летают туда-сюда,

не обремененные смущением, и эти разговоры становятся лучшей частью дня. Ни с кем ему еще не было так легко общаться, как с Ниа, и никто не понимает его лучше ее – даже доктор Капур, чья работа заключается в том, чтобы интерпретировать его чувства. Ниа все понимает с полуслова.

Когда Кэмерон сердится или испытывает разочарование из-за несправедливости этого мира, одна Ниа по-настоящему знает, о чем именно он говорит. Тем вечером он отправляет ей сообщение:

Хотелось бы мне и в реальной жизни иметь таких друзей, как ты. Людей, с которыми я могу быть настоящим.

Ниа в ответ поддразнивает его:

Выходит, в реальной жизни ты выдуманный? Как по мне, ты вполне настоящий.

Кэмерон отправляет в ответ хмурый японский смайлик:

Ты знаешь, что я имею в виду. С тобой я могу быть самим собой, а с большинством людей этот номер не прокатит. Именно поэтому я так ненавижу школу: там нельзя быть тем, кем ты являешься на самом деле, потому что людей это не устроит. Приходится участвовать в шоу, подчеркивать общественно значимые акценты, играть отведенную тебе роль. Но теперь-то ясно, что так поступаю не я один. Все участвуют в этом представлении, корчат из себя тех, кем, как они считают, им положено быть; разные представления дружат друг с другом. Мне кажется, я никого по-настоящему не знаю.

Ты знаешь меня, – говорит Ниа. – *Я не разыгрываю представление.*

А могла бы. В Сети люди врут даже больше, чем в обычной жизни. Ты тоже могла бы притворяться.

Ниа долго не отвечает, пауза затягивается, и Кэмерон уже начинает волноваться, не обидел ли он ее. Однако Ниа, похоже, не рассердилась.

Эта черта нравится ему в ней больше всего: даже когда он что-то брякает не подумав, Ниа никогда не цепляет его в ответ. Она всегда отвечает прямо, и почти всегда ее слова обезоруживают:

У меня плохо получается притворяться.

* * *

Раннее утро, в городе холодно, мрачно и тихо. Резкий ветер сдувает с озера промозглую серую дымку, стряхивает последние лепестки с поздно зацветшей вишни и швыряет их на мостовую. Все двери домов на Уокер-Роу закрыты, темные окна прячутся за ставнями. Солнце не взойдет еще целый час, все спят – во всяком случае, всем полагается спать. Но в одном доме – в доме номер 32, кирпичном, с желтой дверью – светятся прямоугольники подвальных окон, образуя этакий пунктир, который тянется вдоль всего фундамента здания – последние три недели в подвальных окнах этого дома всегда горит свет по ночам.

Кэмерон прямо-таки фонтанирует идеями: каждый раз, когда он заканчивает один проект, на горизонте, нетерпеливо ожидая своей очереди, маячат еще с полдюжины. Он переписал все свои любимые игры, изменил дизайн, зашил в коды новые ловушки и пасхалки, чтобы поиграть в них еще раз, но уже по-новому. Он составил целый список умных электронных приборов для фитнеса, которые связаны с биологическими данными владельца и обеспечивают вентиляцию, компрессию и даже вызывают «Скорую», если выявляют опасную аритмию или обезвоживание. У него есть маленький робот, размером с четвертак, который ползает взад-вперед по его плечам, перебирая крохотными синтетическими ножками, похожими на паучьи лапки, анализирует топографию его кожи и деликатно выдавливает пробки из пор. Кэмерон знает, что за любое из этих изобретений инвесторы отдадут тысячи долларов, но деньги его

больше не интересуют. Каждую ночь он спит все меньше, а делает все больше, его мозг работает на воодушевлении и кофеине, замешанных в равных пропорциях. Теперь-то он знает, что получил бесценный дар: не нужно его отталкивать, наоборот, следует понять, как его использовать. Он вошел в тот шторм обычным парнем, а вышел оттуда... более значимым.

Теперь он может гораздо больше, чем прежде. Сила собственного разума могла бы его ужаснуть, если бы не была настолько ослепительной и волнующей. Порой Кэмерону кажется, что молния до сих пор в его теле, энергия, потрескивая, мчится от нейрона к нейрону, словно серия пожаров, направляет его руки от одного проекта к другому.

«Усовершенствованная версия, – думает Кэмерон. – Я Человек версии 2.0».

Это лучшее определение того, что происходит в его голове: все данные ему от природы способности в последнее время развились, расширились, выросли. Кэмерон всегда был геймером, программистом, любил что-то делать руками, собирал из деталей всевозможные приспособления, писал программы, чтобы в один прекрасный день создать своего Франкенштейна, какую-то новую технологию. Зато теперь он поднялся на совершенно иной уровень. Его мозг непрерывно обрабатывает потоки информации, отправляет и получает пакеты данных, ищет и находит решения.

Столько всего надо сделать.

Во-первых, он озаботился починкой собственного тела. Вместе со своим хирургом он (легально) посетил лабораторию, занимающуюся протезированием, потом ночью (нелегально) взломал информационную сеть одной крутой фирмы, занимающейся биотехнологиями, так что теперь точно знал, чего хочет и как уговорить его новых друзей, машин, это сделать. Он чувствовал себя шпионом, когда на рассвете прятался в кустах перед дверями одной лаборатории робототехники, мысленно отдавая приказы находящемуся внутри 3D-принтеру, а потом стучал в дверь, чтобы забрать то, что получилось, из рук озадаченного ученого, который специально приехал на работу пораньше в ту самую минуту, когда принтер закончил работу. Кэмерон кое-как замаскировался: надел черную бейсбольную кепку и футболку с логотипом старой компании отца «Чудо» – однако в итоге оказалось, что это не нужно. Сотрудник лаборатории едва взглянул на Кэмерона: он то и дело нервно оглядывался через плечо, как будто внутри его ждало привидение. К тому же, если бы он рассказал кому-то, что приходил загадочный молодой человек, который сильно хромал, и забрал из лаборатории некий таинственный предмет... что ж, этого парня пришлось бы искать очень долго.

Потому что Кэмерон больше не хромает. Протез полностью закрыл дыру в его ступне, идеально вписавшись в нее. К тому же он нашпигован сетью нейронов, которые чувствуют то, что не могут уловить его мертвые нервные окончания. Установленный внутри процессор анализирует каждое движение и передает данные в специальное приложение, одно из многих придуманных Кэмероном, а то, в свою очередь, интерпретирует полученную информацию и распознает отклонения в его походке. Благодаря взаимодействию протеза, приложения и собственного киберкинетического мозга Кэмерон заново научился ходить и вздохнул с облегчением. Через неделю он оставил свою трость у дороги, чтобы ее забрали, когда приедет грузовик с мусором. Кэмерон уверен, что, если раздобыть нужные материалы, можно сделать органический протез: искусственные нервные окончания, которые срослись бы с его собственными и посылали бы сигналы в его мозг напрямую. Он может создать нужный код. Он может создать код для чего угодно.

И это лишь начало. Кэмерон уже хакнул все системы в доме и синхронизировал их с местными метеосводками, а также с фитнес-браслетом своей матери – который он тоже хакнул, так что теперь гаджет анализирует все, от ее сердцебиения до расписания и рассылает данные по всему дому. Каждое утро кофеварка щелкает в ту самую минуту, когда мама встает с постели, вне зависимости от того, рано она проснулась или поздно.

Если мама засыпает на кушетке, свет гаснет, а звук в телевизоре становится тише, чтобы не тревожить ее покой. Если мама проводит целый день на ногах на работе, холодильник включает температуру, идеальную для охлаждения вина, в ту самую минуту, когда мама садится в машину, чтобы ехать домой. Если она возвращается домой с занятий зумбой, термостат устанавливает в доме более комфортную температуру. Кэмерон испытал облегчение, поняв, что может не только разговаривать с программным обеспечением окружающих его машин, но еще и способен заставить их говорить друг с другом и сотрудничать – таким образом, он стал кем-то вроде дипломата в мире цифровых технологий. К тому же он знает, что его мама ценит плоды его трудов, даже если не понимает, что все это сделал ее сын. Кэмерону она говорит: «Так приятно видеть, что ты снова занят делом и получаешь удовольствие от своих хобби».

Своему бойфренду она пишет смс: *«Боже мой, наш дом на самом деле УМНЫЙ! Черт возьми, чувствую себя так, словно живу в пентхаусе, а то и вообще на космическом корабле!»*

А самое главное, Кэмерон с удивлением осознал, что в той же мере, в какой его новые способности осложнили ему жизнь, они приносят ему *радость*. Этим утром он доделывает свой новый проект: портативное устройство, созданное на основе его старого навигационного визора, с которым он раньше ходил по озеру на «Солнечной рыбе». Если он еще когда-нибудь выйдет на водный простор, ему не понадобится примитивная гарнитура. Разобравшись в начинке устройства, он понимает, что его легко можно уменьшить. Уменьшив визор, он дополняет его парой контактных линз, чтобы изображение передавалось непосредственно на сетчатку глаз, а также микронаушником – и игровой системой, которую можно взять с собой куда угодно.

Календарь в верхнем правом углу экрана показывает 17 мая. Сегодня он снова вернется в школу после инцидента, как раз к последней неделе. Однако выпускной больше не страшит Кэмерона. Вообще-то он ждет его с нетерпением. Теперь сидеть на репетиции торжества будет намного веселее, ведь он сможет косить цифровых зомби из огнемета, не обращая внимания на скучные речи, а выпускные экзамены теперь можно сдавать без всякой подготовки. После всего, через что Кэмерон прошел, будет только справедливо, если он восполнит пробелы в знаниях с помощью своих новых способностей и ближайшего прибора, подключенного к Интернету.

Это ведь даже не списывание. Черпать информацию из Интернета для него теперь все равно что дышать, потому что коды стали для Кэмерона вторым родным языком, и он говорит на нем легко и непринужденно. Чем больше времени он проводит с машинами, тем больше предпочитает такое общение беседам с людьми. Люди – очень сложные создания, с ними тяжело, они смущают и ставят в тупик: в каждый разговор они впихивают свою предвзятость и неосведомленность, неверно интерпретируют, не понимают. До сих пор Кэмерон не осознавал, как сильно Интернет, этот великий эксперимент, призванный объединить мир, оторвал каждого отдельно взятого человека от социума, сделал его диким как никогда. Каждый находится в своем пузыре, легко взрывается, не желает вникать в чужую жизнь, не сочувствует, ищет врага, которого можно ненавидеть.

С программным обеспечением такого никогда не происходит. Оно всегда говорит именно то, что имеет в виду, и Кэмерон делает то же самое. В итоге между ними никогда не возникает недопонимания.

Чем больше времени он проводит, общаясь с машинами, тем больше отдает предпочтение именно их компании... разумеется, если в сети нет Ниа, потому что с ней он готов общаться всегда!

* * *

Солнце едва-едва успевает подняться над горизонтом, а Кэмерон уже берет свой телефон, делает фото, и его новый 3D-принтер – самая последняя модель, подарок от Настоящей Домохозяйки на окончание школы – начинает жужжать. Он печатает контактные линзы. Силикон переплетается с тонкой нитью, в которой содержится все – от идеальной миниатюрной антенны до процессора размером с кусочек блесстки и крохотной солнечной батареи. Батарея особенно понравится Ниа, ведь это была ее идея. Всякий раз, когда Кэмерон делится со своей новой подругой планами нового проекта, она неизменно подсказывает ему, как усовершенствовать изобретение, сделать его еще лучше. Если у Ниа и возникают вопросы о том, как он умудряется так быстро и интуитивно программировать, она держит их при себе. Кэмерон прикрепляет фото и отправляет сообщение.

Ниа, наверное, еще не проснулась – ее отец очень строго относится к распорядку дня и всему такому прочему, – но когда она выйдет в Сеть, сообщение будет ждать ее:

Линзы дополненной реальности почти готовы! Пришла пора провести тестирование.

* * *

У Кэмерона слегка кружится голова, когда он занимает свое место в классе французского языка, обводит взглядом помещение и одновременно мысленно сканирует его. Умные линзы раздражают глаза, но разум Кэмерона совершенно ясен: это одновременно облегчение и неожиданность. Стоило ему войти в школу, как стремительный поток данных едва не сбивает его с ног, да еще и его недавно обретенная слава дает о себе знать. Кэмерон чувствует, как зернистое изображение его физиономии циркулирует по Интернету. Шагая по коридорам, он знает, что его снимают на видео: каждый раз когда кто-то направляет на него свой мобильный, Кэмерон ощущает неприятную щекотку. Впрочем, необязательно обладать киберкинетическими способностями, чтобы понять: его появление вызвало фурор. Люди, особенно девушки, улыбаются ему в коридорах, а когда он проходит, принимаются хихикать и перешептываться. Многие открыто тарашатся, и достаточно одного взгляда на тех, кто этого не делает, чтобы понять: они изо всех сил сдерживаются, чтобы не пялиться. Когда он наконец соглашается сделать с кем-то селфи, то чувствует, как получившееся изображение волнами расходится по Сети, собирает тонны лайков и комментариев, но даже если бы Кэмерон этого не чувствовал, достаточно было бы один раз зайти в Интернет, чтобы увидеть, как сильно изменилась его жизнь. Кэмерон Акерсон, парень, которого поразила молния, стал новой знаменитостью.

В какой-то момент, после того как Кэмерон регистрируется в учебной части, и до того, как находит свое место за партой, происходит нечто удивительное: оказывается, его линзы дополненной реальности не только оценивают окружающий мир, они еще начинают организовывать и фильтровать поток информации, исходящий из мобильных устройств, лежащих в карманах и сумках окружающих. Оглушительный шум у него в голове почти сходит на нет, а тот, что остается, вполне можно терпеть. Но самое удивительное заключается в том, что сам Кэмерон ничего для этого не делал.

Точнее, специально не делал. Каким-то образом его мозг и линзы договорились о взаимодействии, синхронизация разума и машины произошла легко и просто, словно так и должно быть.

Поток информации проходит сквозь линзы, а между тем в класс заходят другие ученики, их цифровые жизни клубятся у них над головами, словно облака тумана, состоящие из кодов. Почти у всех школьная жизнь сейчас на самом последнем месте: все как никогда

погружены в Интернет – постят памятные фотографии, делятся друг с другом планами, обсуждают свои будущие колледжи, лихорадочно рассылают сообщения, посвященные предстоящей волне вечеринок в честь окончания учебного года (волна стартует на этой неделе и растянется на все лето).

Одноклассники проходят перед Кэмероном, словно ходячие облака данных, словно самые правдивые в мире ленты новостей. Вот Бетани Кросс – сегодня утром она сделала селфи только с шестидесятого раза – предыдущие пятьдесят девять ей не понравились – и выложила в Интернет. Вот Алекс Андерсон – этот постит множество идиотских новостей, в основном это «утки», которые очень просто разоблачить: собственная мать забанила его на своей страничке в Фейсбуке. Джесс Янг перебрасывается непристойными смс с девушкой своего лучшего друга, а та без ведома Джесса разослала последнюю присланную им откровенную фотку своим пятнадцати подружкам – тут дело добром не кончится. Малик Ковальски все утро бомбардировал Google одним и тем же запросом: «Как должен пахнуть пупок?» Кэмерон сначала хихикает, а потом вдруг понимает, что это очень хороший вопрос. Катарина Джексон, одна из красивейших девушек школы, тусуется на сайте анонимных комментариев: прямо сейчас она отправляет комментарий: «Почему ты такая отвратительная дрянь?» – адресуя его... самой себе.

«Так, я этого не видел», – думает Кэмерон, качая головой. Очевидно, Катарина не только хорошенькая, но еще и изо всех сил пытается привлечь к себе внимание. Запостив скриншот в качестве доказательства «травли», она сможет все лето греться в лучах сочувствия.

«Люди», – думает Кэмерон, крепко зажмуривается, и экран гаснет. Это хорошо, потому что когда он открывает глаза, то видит мистера Бретона – тот улыбается и машет ему, а на плече у него висит сумка с ноутбуком. Кэмерон улыбается в ответ, изо всех сил стараясь не фокусироваться на этой сумке. Мистер Бретон всегда вызывал у него симпатию, и если в компьютере учителя есть что-то неприличное, Кэмерон предпочел бы об этом не знать.

– *Bienvenue, monsieur Ackerson. Nous sommes tous très heureuses de vous voir. Vous allez bien, j'espère?*

– *Très bien, monsieur,* – говорит Кэмерон. – *Merci*⁹.

Начинается урок, и Кэмерон отправляет Ниа еще одно сообщение, хотя она еще не ответила на первое:

Линзы просто потрясающие. Как у тебя дела?

* * *

К концу последнего урока Кэмерон как никогда готов отправиться домой, хотя уровень шума у него в голове и сведен к минимуму. На него наваливается такая усталость, какой он не ощущал уже несколько недель, потому что поздние отходы ко сну и ранние подъемы наконец дали о себе знать. Мозг перегружен непрерывной обработкой информации, мощным потоком поступающей от сотен собравшихся в здании учеников – обладателей мобильных устройств. Вибрация лежащего в кармане телефона уже не успокаивает, а раздражает. Сейчас он хочет общаться только с Ниа, а от нее по-прежнему нет новостей.

День выдался теплый, и веки Кэмерона начинают тяжелеть, голос учителя истории, дочитывающего последнюю на сегодня лекцию, отходит на второй план, превращается в монотонное, убаюкивающее жужжание, и вдруг в ушах Кэмерона как гром среди ясного неба раздается сердитый рык:

⁹ «Добро пожаловать, месье Акерсон. Мы все очень рады вас видеть. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?» «Очень хорошо, спасибо». (фр.)

И ВСЕ РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ ОНИ МОГЛИ ОТНЯТЬ ВАШИ РАБОЧИЕ МЕСТА! ВАШИ ПРАВА! ВАШИ РЕСУРСЫ!

Голос настолько громкий, что Кэмерон подскакивает, громко стукнув коленями по нижней части столешницы. Народ оборачивается посмотреть, что случилось, но Кэмерон едва ли обращает на это внимание: на него целый день тарасились. Он полностью сосредотачивается на сердитом голосе, но говорящий буквально брызжет ненавистью, и из-за этого трудно сконцентрироваться. Похоже, никто, кроме Кэмерона, не слышит яростную речь, и он даже на миг задается вопросом, не сошел ли с ума. Но тут же понимает, что голос звучит только у него в голове. Изображение, которое линзы транслируют на сетчатку его глаз, мигает: уровень энергии падает.

«Ну, конечно», – думает Кэмерон. Он весь день провел в здании. Солнечной батарееке требуется солнечный свет, чтобы восполнить энергию. А пока ее заряда недостаточно, устройство не может справиться с потоком информации, проходящей через мозг Кэмерона – особенно если кто-то в классе украдкой смотрит прямую видеотрансляцию. Вот откуда идет злобный голос, яростно вещающий:

АМЕРИКАНСКИЕ ДЕТИ УМИРАЮТ, ОНИ УЖЕ УМЕРЛИ, БЕСЧИСЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО НЕВИННЫХ ДЕТЕЙ! А ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОВОРИТ, МОЛ, ВОЗРОСЛО КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ, СТРАДАЮЩИХ ОТ ГРИППА?!

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ ПЕРЕСЕКАЮТ НАШИ ГРАНИЦЫ, УВЛЕКАЯ ЗА СОБОЙ КУЧУ БОЛЕЗНЕЙ, С КОТОРЫМИ НАШИ ДРАГОЦЕННЫЕ ДЕТИ НЕ МОГУТ СПРАВИТЬСЯ!

Кэмерон возводит глаза к потолку. Ах, это тот парень. Знакомый голос, он принадлежит Даггетту Смит, он же Правдуроб. Давным-давно он был скандальным радиоведущим, которого выгнали с радио за то, что он угрожал тринадцатилетней дочери какого-то политика, причем угрозы носили сексуальный характер. Впрочем, то, что радио- и теле вещание отвергает, Интернет принимает с распростертыми объятиями, и за последние два года Смит сделал себе имя в качестве комментатора собственного канала на YouTube и главы огромной армии бешеных интернет-пользователей, сторонников всевозможных теорий заговора. У этого парня напрочь отсутствовала совесть, и он без колебаний натравливал орды своих боевых хомячков на ни в чем не повинных людей, даже на детей – несколькими месяцами ранее в этом на собственной шкуре убедились несколько одноклассников Кэмерона. Городской драматический клуб собирался ставить «Вестсайдскую историю» – казалось бы, кому могло помешать это представление? Несколько девушек, приятельниц Кэмерона по клубу робототехники, даже приняли участие в прослушивании и отобрались на роли предводителей уличных банд, как вдруг кто-то, возможно, некий рассерженный родитель, сообщил Смит, об этой постановке. Все подростки, задействованные в спектакле, немедленно стали жертвами науськанной Правдуробом армии троллей, а на школу посыпались обвинения в вовлечении невинных детей в пропаганду экстремизма. Уже на следующий день кто-то позвонил и сообщил о готовящейся серии взрывов, спектакль отменили, а Даггетт Смит объявил это победой истины, справедливости и американского образа жизни. Школу даже закрыли на два дня, пока местные силовики искали в здании взрывчатые вещества, а расстроенные одноклассники Кэмерона все продолжали получать злобные сообщения от преданных поклонников Смита.

Кэмерону всегда было интересно знать, кто стал бы добровольно слушать выступления этого морального урода? Неприятно осознавать, что он находится в одном помещении с фанатом такого негодая.

ВЫ СЛЫШАЛИ ОБ ОДЕЯЛАХ, ЗАРАЖЕННЫХ ОСПОЙ? ТАК ВОТ, СЕЙЧАС РЕЧЬ ИДЕТ О ЗАРАЖЕННЫХ ОСПОЙ ПАРАНДЖАХ! ОНИ ТАЩАТ СЮДА ЗАРАЗУ И ПОВСЮДУ ЕЕ РАЗНОСЯТ! Я ГОВОРЮ ЭТО ВАМ, РИСКУЯ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ХОЧЕТ СКРЫТЬ ОТ ВАС ПРАВДУ, НО ИСТИНУ НЕ СПРЯЧЕШЬ, ВСЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НАЛИЦО!

Солнечный свет падает на парту Кэмерона, и тот поворачивает голову, подставляя лицо теплым лучам, чтобы немного подзарядить батарею.

«Малюсенькая подзарядка, – думает он, – просто чтобы не пришлось больше слушать эту чушь». Он пытается понизить громкость ненавистного голоса, но все равно приходится искать его источник. Мгновение спустя он отслеживает мобильный телефон паренька по имени Майк Уилсон – это двоечник, у которого большие проблемы с угревой сыпью и еще более серьезные проблемы с психикой, коль скоро он так любит этого разжигателя скандалов Смита. Достаточно быстрого взгляда на социальные сети парня, чтобы понять: он преданный член фан-клуба Даггетта Смита, а запрос сведений из школьной базы данных свидетельствует о том, что Майк явно не впервые включил канал Смита во время занятий и уроками особо не интересуется.

«Еще одна злобная посредственность, – думает Кэмерон, изучая табель успеваемости Майка. – Какое потрясение».

Индикатор питания на линзах Кэмерона из желтого становится бледно-зеленым, голос Даггетта Смита стихает, и Кэмерон вздыхает с облегчением.

Увы, какой бы проницательностью ни наделили Кэмерона его новые способности, читать мысли он не умеет, а заглянуть в чужой телефон – вовсе не то же самое, что проникнуть в чужой разум. Когда звенит звонок, Кэмерон не обращает внимания на выражение лица Майка Уилсона, не замечает, что тот стискивает зубы и кулаки, а потом пулей вылетает из класса. Другие тоже не обращают на Майка внимания.

Никто не замечает приближения Майка: ни учитель, ни ребята в коридоре, а особенно Брамс – так все зовут парня по имени Брахмприт. Бедняга даже не успевает выставить перед собой руки, чтобы хоть как-то защититься: Майк хватает его сзади за шею и со всего маху бьет лицом об открытую дверцу шкафчика.

Кэмерон чувствует стремительное движение сигнала, когда тридцать семь подростков выхватывают свои мобильные телефоны и начинают снимать. Потом Кэмерон выходит в коридор и чувствует тошноту при виде окровавленного Брамса – тот, шатаясь, поднимается на ноги. Его тюрбан сполз набок и частично размотался, полоса ткани свисает на лоб, и Брамс тянется к ней, его залитое кровью лицо искажается от боли и обиды. Движение в толпе – и у Кэмерона падает сердце, он понимает, что народ толкается вовсе не потому, что торопится помочь: все стараются выбрать удобный угол съемки, поймать в кадр сломанный нос Брамса.

– За что? – спрашивает Брамс, недоуменно озираясь.

Майк Уилсон выходит из толпы.

– Потому что ты мерзкий кусок дерьма, – рычит он и пинком опрокидывает Брамса на пол.

В толпе кто-то вопит:

– ДРАКА!

То, что происходит потом, просто ужасно, и на этот раз Кэмерон рад, что так много людей снимают все на камеру: как Майк валит истекающего кровью Брамса на пол, срывает с него тюрбан и отшвыривает в другой конец коридора, где тот приземляется под ноги какой-то девушке, и она пронзительно вопит и пинком отфутболивает тюрбан обратно. Как Брамс перестает спрашивать «за что?» и начинает кричать «перестань!», а потом вообще умолкает. Как Майк бьет его ногами в живот, по ребрам, по голове. На лице Майка появляется выражение маниакального удовлетворения, но тут через толпу проталкиваются двое громил, оттаскивают Майка от неподвижного Брамса и передают школьному охраннику, а тот тащит нарушителя порядка прочь.

Двадцать школьников продолжали снимать избиение на видео, вместо того чтобы остановить это безобразие. Раньше Кэмерон считал бы случившееся отвратительным, но теперь он рад, потому что уже пробрался в телефоны любителей поснимать, стер оттуда все записи и слепил из них один видеофайл. Через пять минут он получает именно то, что ему нужно. Если он чему и научился, пока вел свой канал на YouTube, так это тому, что горячий контент не следует держать под спудом.

Майк Уилсон станет знаменитым.

Кэмерон уходит по коридору подальше от толпы зевак. Важно не ошибиться со следующим шагом, и сделать его нужно быстро. Он подходит как можно ближе к двери, за которой расположен кабинет службы безопасности. Оттуда доносятся сердитые крики взрослых и вялые ответы Майка. Это хорошо. Если они до сих пор пытаются понять, что произошло, то, вероятно, не догадались конфисковать у Майка телефон – а Кэмерону нужно, чтобы телефон Майка оставался у своего владельца, потому что Майк сейчас настроит несколько очень интересных постов в Интернете.

Через несколько секунд клип заливается на все личные странички Майка Уилсона в соцсетях. Кэмерон склепал клип на скорую руку и все же не может не восхититься своей работой: лица Брамса не видно (в конце концов, бедный парень и так настрадался), зато физиономию Майка видно отлично. Впрочем, Кэмерон пошел еще дальше и на всякий случай разместил под видеороликом полное имя Майка и его домашний телефон, а в конце добавил задорную подпись: «Не забудьте сказать моей маме, что вы обо мне думаете!»

Реакции начинают поступать немедленно, но ими Кэмерон сможет насладиться позже. Прямо сейчас следует сделать финальный штрих, дабы месть свершилась – поступок не самый благородный, но ничего лучшего Кэмерон придумать не смог. Наморщив лоб, он концентрируется, посылает серию команд на телефон Майка, на которые аппарат отвечает положительно и немедленно принимается за работу. Интересно, где сейчас этот мобильный? Если его еще никто не конфисковал, он, вероятно, в рюкзаке, но если Кэмерону очень повезло, телефон окажется в кармане у Майка.

Миссия выполнена. Кэмерон поворачивается, намереваясь уйти... и застывает на месте. У него перехватывает дыхание, самодовольная ухмылка сползает с его губ, рот приоткрывается. В другом конце коридора стоит, прислонившись спиной к шкафчикам, девушка. Она одета во все черное, отчего ее огненно-рыжие волосы кажутся полыхающим костром, и она смотрит на него очень пристально, не мигая. Увидев, что он ее заметил, она подмигивает и прижимает палец к губам.

Кэмерон тяжело сглатывает и, пошатнувшись, делает шаг вперед. Ошибки быть не может, это она. Чувствуя, как в животе сжимается тугая комок нервов, Кэмерон смотрит на девушку, кашляет.

– Ниа?

В следующий миг тишину коридора разрывает пронзительный вопль.

Последняя команда Кэмерона выполнена. От неожиданности он вздрагивает, у него подворачивается нога, и он неловко припадает на одно колено, а в следующий миг дверь офиса охраны распахивается, и мимо с воем проносится Майк Уилсон, а за ним тянется дымный след. Парень падает и пытается скинуть штаны, горящие ярким пламенем. Толпа неуспевших разойтись школьников бегом устремляется к нему, но и на этот раз никто не выходит вперед, чтобы помочь. Множество рук синхронно поднимаются, сжимая мобильные телефоны, все направляют камеры на сидящего без штанов Майка, тот поднимает взгляд на толпу и начинает орать громче прежнего.

«Ага, определенно в кармане штанов», – думает Кэмерон и кое-как поднимается на ноги. Он отключил функцию автоматического выключения телефона, а потом загрузил его рядом непрерывно поступающих команд, так что аппарат сильно перегрелся всего за шестьдесят

секунд. Возможно, когда в следующий раз Майк в приступе ксенофобной ненависти захочет избить какого-то незащитного парня, то посмотрит на ожоги на своей заднице и передумает. Но Кэмерон может насладиться мстостью позже. Где же Ниа? Он вытягивает шею, пытаясь разглядеть девушку в толпе, смотрит на то место, на котором она только что стояла. Кажется, вон там мелькнули рыжие волосы? Ниа ждет его? Кэмерон проталкивается сквозь толпу и как вкопанный останавливается возле шкафчиков. Перед ним стоит невысокая, пухлая девица и настойчиво хлопает его по плечу. Умные линзы услужливо сообщают Кэмерону, что девушку зовут Пуджа, а весь контент ее телефона состоит из тысячи картинок, на которых изображены козлята.

– Кхм, привет. Ты как?

– Отлично, – говорит Кэмерон. – Увидимся, Пуджа.

Он торопливо озирается по сторонам, но нигде нет и следа Ниа. Пуджа уже отвернулась. Краем сознания Кэмерон отмечает, что она запостила у себя на страничке:

МЕНЯ ЕДВА НЕ СБИЛ С НОГ КЭМЕРОН АКЕРСОН! И ОН ЗНАЕТ, КАК МЕНЯ ЗОВУТ!!!

Какой-то безумный сюрреализм. Кэмерон уже готов допустить, что у него начались галлюцинации, как вдруг телефон у него в кармане гудит. Юноша чувствует, что пришло сообщение, но все равно торопливо лезет в карман и вытаскивает мобильный, чтобы своими глазами увидеть текст:

Ты именно такой, как я представляла. Увидимся.

Это она.

Это на самом деле Ниа.

8. Прибытие

КСЭЛ НЕДОВОЛЬНО КРЯХТИТ, когда ее корабль выскальзывает из эфира, немедленно попадает под воздействие силы тяжести и с тихим скрежетом приземляется возле бетонного столба, поддерживающего эстакаду. Путешествие к Земле вылилось в серию резких скачков через древние порталы, которые ее народ в прошлом использовал, исследуя космос, и не прошло бесследно ни для нее, ни для корабля – но последний прыжок получился мягким, так, слегка тряхануло. Если не считать легкого мерцания воздуха, принявшего в себя корабль, и легкого стука, с которым судно приземлилось, больше ничто не выдало его присутствия. Оно будет стоять здесь, надежно спрятанное от посторонних глаз, пока Ксэл не закончит свои дела. Ее тело затекло, она чувствует себя очень странно, ковыляя к двери на своих десяти ногах, длинных и тонких, как у паука. Ее щупальца открываются на кончиках, словно голодные рты, всасывают корабельную атмосферу, а потом выдыхают ее, создавая вокруг Ксэл защитное облако. Этот барьер долго не продержится, и она совсем не хочет совершать следующий, отвратительный шаг. Если бы можно было ненавидеть старика еще больше, чем она ненавидит его за вероломство и жестокость, за истребление ее народа, она бы ненавидела его за то, что пришлось следовать за ним сюда. За то, что приходится касаться поверхности этой грязной планеты, пачкаться наполняющими ее отвратительными веществами.

Конечно, она понимает, почему Изобретатель сюда прибыл. Вероятно, это место напоминает ему о собственном доме. Глупые формы жизни, населяющие эту планету, не сильно отличаются от вида, к которому принадлежит Изобретатель, плюс-минус нескольких дополнительных ДНК. В своей прошлой жизни, будучи владельцем поработанных существ, специально отобранных ее народом, она бы даже могла провести несколько экспериментов над обоими видами, чтобы посмотреть, возможно ли скрещивание. Однако время подобного интеллектуального любопытства прошло. Ксэл здесь ради мести.

Когда она выходит наружу, гудение в ее теле становится сильнее, электромагнитный след, оставленный творением ее врага, отчетливо ощущается в воздухе. Ксэл чувствует, что только что упустила нечто важное: сигнал сильный, но идет на спад. Придется поторопиться, а значит, больше нельзя оттягивать неприятный шаг. Ее добыча совсем рядом, и, если она хочет ее поймать, придется позаимствовать несколько вещей. Глаза. Легкие. Средство передвижения. К сожалению, ей нельзя привередничать. Окутывающее ее защитное облачко уже начинает рассеиваться, и она не выживет на этой планете, если не синхронизируется с каким-то ее родным обитателем. Изначально она выбрала это место потому, что ее сканеры показывали отсутствие поблизости людишек: не стоило появляться посреди толпы в своей изначальной форме. Теперь же придется брать то, что есть. Она еще раз сканирует местность, на этот раз подключив параметры. Опции ограничены: способность к полету пришлась бы кстати, но единственные доступные крылатые существа сидят стайкой высоко вверху, у нее над головой, вне зоны доступа... и похоже, не в состоянии контролировать свою выделительную систему. Один из маленьких серых пожирателей падали, что, попискивая, суется на груде мусора, мог бы подойти, думает она... но гораздо больше подойдет тихий хищник, который наблюдает за мусорщиками из-за кучи камней, выжидая, чтобы напасть. Ксэл загружает информацию об этом животном и остается довольна: это хищник, как и она сама. Быстрый, грациозный, сильный. К тому же люди благосклонно относятся к этим существам. Облекшись в его шкуру, можно будет двигаться относительно свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.